

ЗАПОВЕДНАЯ ПРИРОДА

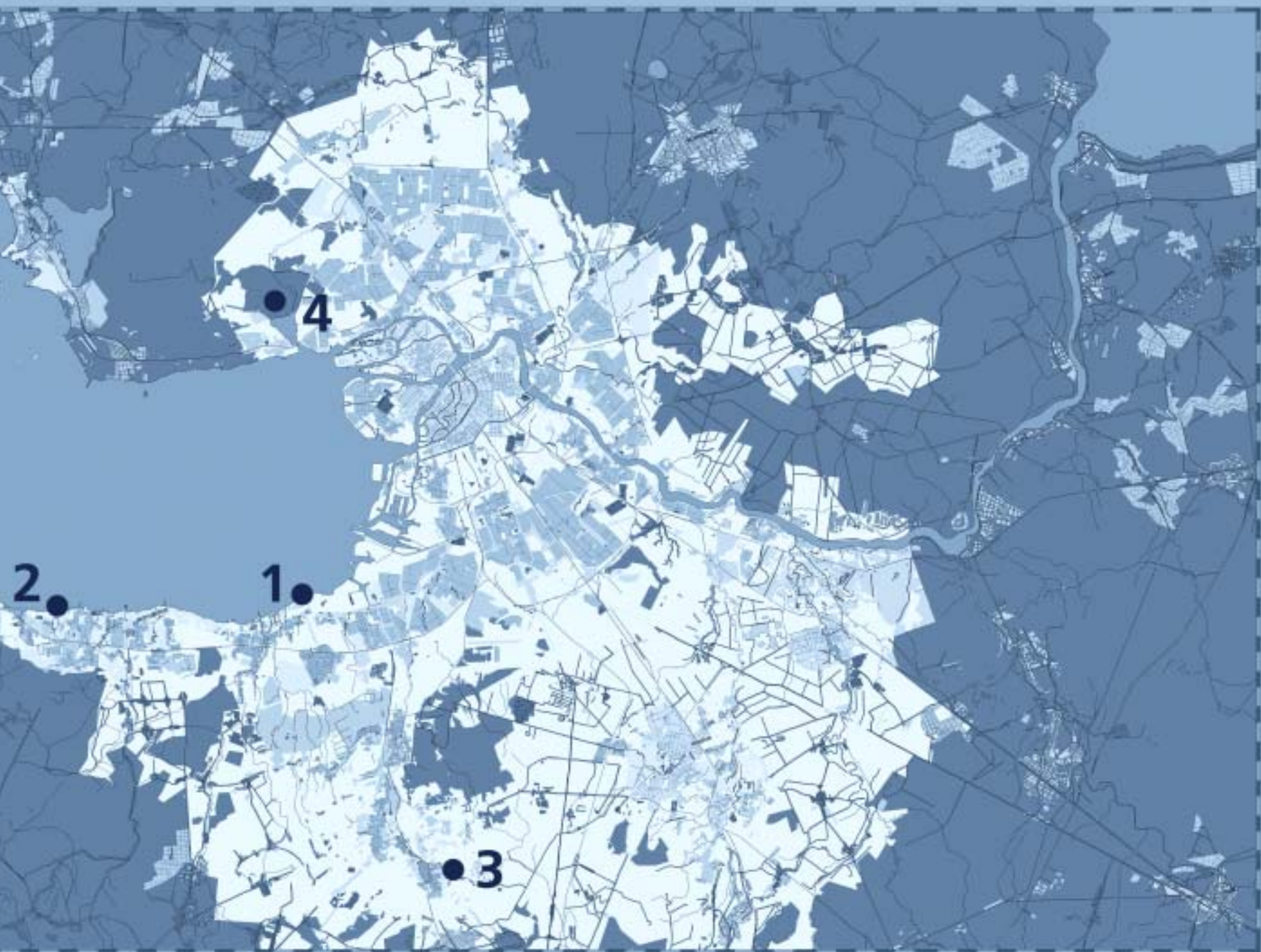
Санкт-Петербурга

The image shows a map of Saint-Petersburg, Russia, with a light blue background. The city's coastline and major water bodies are visible. Two specific locations are marked with black dots and labeled with the numbers 5 and 6. Marker 5 is located on the eastern shore of the Gulf of Finland, near the city of Komarovo. Marker 6 is located on the western shore of the Gulf of Finland, near the city of Gladyshevskoye. A legend box in the lower-left corner provides the names of these and other protected natural territories.

Особо охраняемые природные территории Санкт-Петербурга

- 1 - Памятник природы "Стрельнинский берег"
- 2 - Памятник природы "Парк "Сергиевка""
- 3 - Памятник природы "Дудергофские высоты"
- 4 - Заказник "Юнтоловский"
- 5 - Памятник природы "Комаровский берег"
- 6 - Заказник "Гладышевский"

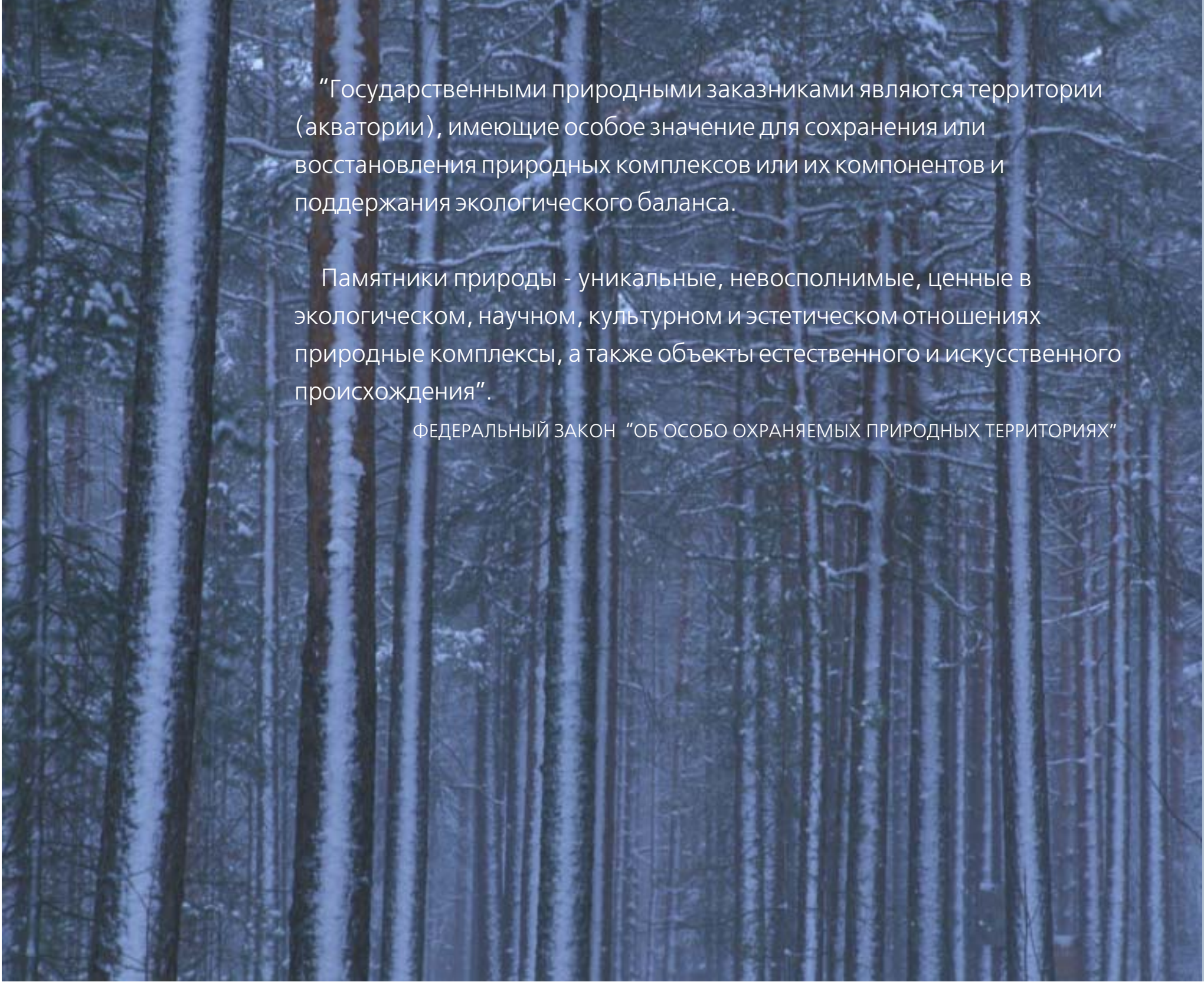
Комитет по природопользованию, охране окружающей среды и
обеспечению экологической безопасности Правительства Санкт-Петербурга.

ЗАПОВЕДНАЯ ПРИРОДА

Санкт-Петербурга

Под общей редакцией канд. географ. наук Д.А.Голубева

Санкт-Петербург
2004

“Государственными природными заказниками являются территории (акватории), имеющие особое значение для сохранения или восстановления природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса.

Памятники природы - уникальные, невозполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения”.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН “ОБ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ”

СОДЕРЖАНИЕ * CONTENTS

Предисловие	1	Introduction
Памятник природы “Стрельнинский берег”	5	Strelna coast nature monument
Памятник природы “Парк «Сергиевка»”	12	Sergievka park nature monument
Памятник природы “Дудергофские высоты”	49	Dudergof heights nature monument
Заказник “Юнтоловский”	92	Yuntolovsky nature reserve
Памятник природы “Комаровский берег”	116	Komarovo coast nature monument
Заказник “Гладышевский”	132	Gladyshevsky nature

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «СТРЕЛЬНИНСКИЙ БЕРЕГ»

Государственный комплексный памятник природы площадью 53 га был организован в 1992 г. Он расположен на прибрежной равнине в окрестностях пос. Стрельна и включает участок акватории Финского залива шириной 200 м. На территории памятника природы сохранились ландшафты, типичные для южного побережья Невской губы и уже исчезнувшие в других местах окрестностей Санкт-Петербурга.

В растительном покрове памятника природы наибольший интерес представляет черноольховый лес с развитым кустарниковым ярусом и высокотравьем. В подросте встречается клен и единичные ясени. Массив черноольшатников – один из самых крупных в черте города.

Большие площади памятника природы покрыты ивняками. Вдоль побережья Финского залива хорошо развиты тростниковые заросли высотой более 2 м. Среди зарослей тростника произрастают настоящие водные растения: телорез, водокрас, некоторые виды рдестов. В устье ручья, протекающего по восточной окраине памятника природы, и в акватории залива распространены заросли камыша озерного. Список флоры насчитывает 250 видов, из которых фиалка топяная включена в Красную книгу Ленинградской области. Из других видов заслуживает внимания жестер слабительный – редкий в Ленинградской области кустарник, имеющий здесь северную границу своего распространения.

Фауна наземных позвоночных памятника природы «Стрельнинский берег» является в целом типичной для данных биотопов восточной части Финского залива. Всего отмечено 2 вида амфибий, 1 вид пресмыкающихся, 102 вида птиц и 11 видов млекопитающих. 9 видов птиц, занесенных в Красную книгу Ленинградской области, встречаются здесь в период сезонных миграций. Из амфибий обитает жаба серая – вид, охраняемый в Ленинградской области.

Сохранение этой территории в черте мегаполиса как участка естественной природы имеет большое научное и социальное значение.

STRELNA COAST NATURE MONUMENT

State Complex Nature Monument with the total area of 53 ha was founded in 1992. It is situated on coastal plain in Strelna vicinity and also covers a part of the Gulf of Finland 200 meters wide. There are landscapes on this Nature Monument's territory that were typical for the southern coast of the Neva Bay but have already disappeared in other areas of Saint-Petersburg neighborhood.

Among Nature Monument's flora, black alder forest with its well-developed shrub and herbaceous layers are of the most interest. Maples and solitary ash-trees can be found in the undergrowth. This black alder forest is among the biggest ones in Saint-Petersburg. Forests have started regrowing only in the middle of the previous century, and therefore trees are relatively young now.

Large areas of the Nature Monument are covered with willow forests. Reed thickets more than 2 meters tall are growing along the coast of the Gulf of Finland. There are some aquatic plants growing in these reed thickets: water-soldier, frogbit, and several species of pondweeds. Thickets of bulrush are growing in the gulf waters and in the mouth of the stream flowing on the eastern side of the Nature Monument. Flora is represented by 250 species; one of the species - fen violet - is listed in the Red Data Book of Leningrad Region. European buckthorn uncommon for Leningrad region is worth mentioning among other species; Strelna Coast represents a northern border of this shrub's natural areal.

Terrestrial vertebrate fauna of Strelna Coast Nature Monument is typical for such habitats of the eastern part of the Gulf of Finland. In general, 2 species of amphibians, 1 species of reptiles, 102 species of birds, and 11 species of mammals were reported for this area. Birds belonging to 9 species listed in the Red Data Book of Leningrad Region can be found here during the period of seasonal migrations. One of the amphibian species - the common toad - is protected in Leningrad region.

Preservation of this territory as an area of nature inside the city is of great scientific and social importance.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «ПАРК «СЕРГИЕВКА»»

Государственный комплексный памятник природы площадью 120 га был организован в 1992 г. Он расположен на двух приморских террасах Финского залива, а также включает побережье и акваторию залива площадью 10 га. Относительная высота верхней террасы над уровнем моря составляет 15-20 м. Практически всю территорию памятника природы занимает парк, созданный в начале XIX веке среди естественного лесного массива. Сохранилась часть построек дворцового ансамбля, построенных по проекту архитектора А.И.Штакеншнейдера. Особую привлекательность пейзажу придают глубокие овраги с ручьями, мостики, искусственные пруды и плотины, соединенные каскадами.

Разнообразие растительности памятника природы обусловлено особенностями ландшафта и историей территории. Парк, сильно пострадавший в годы Великой Отечественной войны, постепенно стал приобретать, особенно на удаленных от залива участках, черты естественного леса. На верхней террасе сейчас можно встретить фрагменты настоящего ельника, смешанного елово-березового и елово-широколиственного леса. Береговой уступ и нижняя терраса заняты лесными сообществами из широколиственных пород: липы, клена, дуба, ясени с отдельными соснами и елями. Интересно, что и в травянистом ярусе этих лесов присутствуют неморальные виды растений: медуница лекарственная, хохлатка плотная и др. Среди лесных участков открываются небольшие поляны и злаковые луга с живописными одиночными старыми деревьями. По берегу залива и на мелководье сохранились черноольховые топи, приморское низинное болото и обширные тростниковые заросли. Всего в пределах памятника природы обнаружено около 500 видов растений.

Животный мир парка «Сергиевка» также представляет большой научный интерес. На территории памятника природы отмечено более 100 видов птиц и 34 вида млекопитающих.

Памятник природы «Парк Сергиевка» внесен в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе Исторического центра Санкт-Петербурга с его окрестностями.

SERGIEVKA PARK NATURE MONUMENT

Sergievka Park State Complex Nature Monument with the total area of 120 ha was founded in 1992. It is situated on two coastal terraces of the Gulf of Finland, also covering the coast and 10 ha of the gulf waters. Relative height of the upper terrace above the sea level is 15 to 20 meters. Main part of the monument is occupied by the landscape style park that was created in the beginning of XIX century in the heart of primary forest. Some buildings of the palace ensemble designed by architect A. Stackensneider are still well-preserved. Deep ravines with water streams, small footbridges, artificial ponds, and cascade dams beautify the landscape.

Great variety of Nature Monument's vegetation is due to landscape peculiarities and the land's history. The park was damaged during the World War II; without proper maintenance it has gradually started getting the features of primary forest, especially the areas that were far from the gulf. Fragments of coniferous, mixed coniferous-birch and coniferous-broad-leaved forests can be found on the upper terrace now. Broad-leaved forests with lime-trees, maples, oaks, ash-trees, and some pine and spruce trees cover the cliff and lower terrace. It is peculiar that there are some nemoral plant species in the herbaceous layer of these forests, such as common lungwort, fumewort, etc. Small glades and corn meadows with picturesque solitary old trees can be found in the forests. There are black alder swamps, coastal marshes, and reed thickets on the gulf coast and on the shoals. In general, about 500 plant species were reported for this Nature Monument.

Sergievka Park's fauna is also of great scientific interest. More than 100 species of birds and 34 species of mammals were reported for it. The following endangered and protected species inhabit the park: pond bat, Brandt's bat, noctule, particoloured bat, harvest mouse, root vole, bittern, green woodpecker, white-backed woodpecker, etc.

Sergievka Park Nature Monument is inscribed on UNESCO World Heritage List as a part of Historic Center of Saint-Petersburg with its Environs.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «ДУДЕРГОФСКИЕ ВЫСОТЫ»

В 20 км на юго-запад от Петербурга лежит возвышенное плато, получившее название Силурийского, или Ижорского. Наиболее высокой является его северная часть: здесь лежит Дудергофская возвышенность, с высшей точкой, поднимающейся на 176 м над уровнем моря – горой Ореховой. К северу от Ореховой лежит гора Воронья высотой 147 м. Это максимальные отметки высот для окрестностей Санкт-Петербурга. На этих двух горах и расположен парк, получивший в 1992 году статус государственного комплексного памятника природы.

Общая площадь памятника природы составляет около 66 га. «Дудергофские высоты» внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе Исторического центра Санкт-Петербурга с его окрестностями.

Парк создавался в 19 веке на месте естественных хвойных лесов, незначительно преобразованных с помощью ландшафтных рубок и декоративных посадок деревьев и кустарников. Во время Великой Отечественной войны практически вся древесная растительность Дудергофских высот была истреблена. Из старых деревьев сохранилось лишь несколько сосен и лип в возрасте 100-150 лет. В тоже время, гибель верхнего полога насаждений благоприятно отразилась на росте подлеска и древесного подроста. В хороших световых и почвенных условиях подлесок, состоявший из лещины, рябины, бузины, декоративных кустарников, сильно разросся, появилось возобновление ясеня, клена, дуба, вяза и липы.

Сейчас Воронью гору покрывают широколиственные леса, главным образом кленово-ясеневые, а на Ореховой горе, кроме них, есть участки дубрав и небольшое пятно ельника на западном склоне. В травянистом ярусе также господствуют настоящие неморальные виды – печеночница, хохлатка, медуница и др. Из редких видов растений в заказнике встречается венерин башмачок, занесенный в Красную книгу России. В целом, современный растительный покров Дудергофской возвышенности, сформировавшийся на дерново-карбонатных почвах, характерен скорее для южной части России, чем для окрестностей северной столицы.

DUDERGOFF HEIGHTS NATURE MONUMENT

Highland plateau called Silurian or Izhora plateau lays 20 km southeast of Saint-Petersburg. Only small hills break the monotony of the plain. The highest northern part of the plateau is called Dudergof heights; the highest mountain of Dudergof heights is Orekhovaya Mountain that is 176 m above sea level. To the north of Orekhovaya Mountain lays Voronya Mountain 147 m above sea level. Those are the highest mountains in Saint-Petersburg vicinity. On these mountains lies a Dudergof Heights park that became State Complex Nature Monument in 1992. The park covers about 65 ha. Dudergof Heights Nature Monument is inscribed on UNESCO World Heritage List as a part of Historic Center of Saint-Petersburg with its Environs.

The park was created in XIX century on the basis of natural coniferous forests that were slightly changed by landscape felling and planting some trees and shrubs for decorative purposes. Orekhovaya Mountain was previously covered by spruce forest with some broad-leaved trees, Voronya Mountain - with mixed coniferous forest. Almost all the trees of Dudergof Hills were destroyed during the World War II: some trees perished in the battles and fires, others were seriously damaged or cut down. Only several pine and lime trees survived; now they are 100-150 years old. However, big trees death had a positive effect on undergrowth. Undergrowth composed of hazel, mountain ash, elder, and decorative shrubs sprouted due to good light and soil conditions; new seedlings of ash-trees, maples, oaks, elms, and lime-trees appeared.

Voronya Mountain is covered with broad-leaved forests, mainly maple and ash-tree, whereas Orekhovaya Mountain also has areas covered by oak-groves and a small spruce forest on the western slope. True nemoral species dominate in herbaceous layer - hepatica, harlequin, lungwort, etc. Endangered species of Ladyslipper Orchids() listed in the Red Data Book of Russia can be found on the Nature Monument's territory. In general, modern vegetation of Dudergof heights formed on calcareous soils (rendzinas) is typical rather for south part of Russia than for northern capital environs.

ЗАКАЗНИК «ЮНТОЛОВСКИЙ»

Государственный комплексный заказник «Юнтоловский» площадью 976,8 га расположен на северном побережье Финского залива в так называемой Лахтинской впадине. В южной части Юнтоловского заказника находится Лахтинский разлив, который представляет собой залив Невской губы лиманного типа. С севера в Лахтинский разлив впадают реки Юнтоловка и Каменка.

Болота заказника раньше занимали гораздо большую площадь, но и сейчас, после частичного осушения, являются крупнейшими по площади в Европе охраняемыми болотными угодьями в черте города. Значительные площади топкого низинного болота, непосредственно примыкающего к озеру с севера, заняты зарослями ивы и кустарника восковника болотного, занесенного в Красную книгу России. Это крупнейшая на Северо-Западе популяция восковника, находящегося здесь на восточной границе своего ареала.

Птицы – одно из главных природных богатств Юнтоловского заказника. С незапамятных времен Лахтинская низменность, озеро и прилегающие отмели Финского залива служили местом массовых стоянок перелетных птиц, мигрировавших по крупнейшей в Европе Беломоро-Балтийской трассе. Благодаря наличию обширных мелководий, отмелей, тростниковых зарослей, здесь каждую весну и осень останавливались для отдыха до 2 миллионов птиц, главным образом водоплавающих и околоводных. Среди них встречаются лебеди-кликуны, тундряные лебеди и гусь пискулька, который находится под охраной в странах Европы. В массиве Юнтоловской лесной дачи можно встретить хищных птиц, таких как ястреб тетеревятник, ястреб перепелятник, болотная и ушастая совы.

Невысокие болотные леса, приморские топи, а также разнотравные луга, поросшие кустарниками, – все это создает условия для обитания обыкновенного ежа, зайца-русака, лисицы, полевой мыши, ласки и горностая. Несмотря на близость городских кварталов, растительный и животный мир заказника богат благодаря разнообразию природных условий. Всего здесь отмечено 337 видов сосудистых растений, 69 видов мхов, 127 видов птиц и 19 видов млекопитающих.

YNTOLOVSKY NATURE RESERVE

State Complex Nature Reserve, which total area is 976,8 ha, is situated on the northern coast of the Gulf of Finland in so-called Lakhta lowlands.

Lakhtinsky Razliv Lake lies in the southern part of Yuntolovsky Nature Reserve being an estuary cove of the Neva Bay. The lake is connected to the bay by a narrow channel at the southern edge of the lake. The Rivers Yuntolovka and Kamenka enter the lake at the north.

Nature Reserve's marshes have covered larger territory in the past but even now, after partial draining, they are the largest protected wetlands area in Europe that are situated in the city. Maximal thickness of the turf layer is 3.5 meters. Large area of low swampy marsh bordering the lake at the north is covered by willow thickets and sweet gale listed in the Red Data Book of Russia. This is an eastern areal border of the biggest population of sweet gale in the Northwest. Swampy tract of land in the central part of the Nature Reserve is a transitional area covered by small shrubs, sedges, and bog mosses.

Birds are one of the most important nature's treasures of Yuntolovsky Nature Reserve. Lakhta lowlands, the lake and adjacent sandbanks of the Gulf of Finland have previously been serving as a staging area for migratory birds that flew along the biggest in Europe White Sea - Baltic Sea route. Due to vast sandbanks and thickets, up to 2 million of birds (mostly aquatic and coastal) used to rest here. Now migratory goose and swan flocks cross Lakhta lowlands at significant height and don't stop. Whooper swan, Bewick's swan, and white-fronted goose, the species that is protected in Europe, can be seen among them. Birds that nest on Nature Reserve's territory are worth special notice. Predatory birds such as northern goshawk, sparrow hawk, short-eared owl, and long-eared owl in the process of hunting can be seen here.

Undersized paludal forests, coastal marshes and herb meadows with shrubs form good habitats for hedgehog, european hare, foxes, striped field mouse, least weasel, and short-tailed weasel.

In general, flora and fauna of the Nature Reserve is relatively rich due to the habitats variety. 337 species of vascular plants, 69 species of mosses, 127 species of birds, and 19 species of mammals were reported for the Nature Reserve.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «КОМАРОВСКИЙ БЕРЕГ»

Государственный комплексный памятник природы «Комаровский берег» площадью 180 га создан в 1992 г. Он расположен на северном побережье Финского залива в знаменитой курортной зоне Санкт-Петербурга, недалеко от пос. Комарово. Здесь хорошо сохранились участки типичных для Карельского перешейка таежных лесов и ландшафты прибрежных дюн.

Большая часть территории памятника природы находится в пределах нижней террасы, называемой Литориновой - по имени Литоринового моря, существовавшего на месте современной Балтики около 8000 лет назад. Наиболее интересны в растительном покрове «Комаровского берега» еловые леса и черноольшатники. Спелые ельники, которые редко можно встретить вблизи Санкт-Петербурга, интересны еще и тем, что в них отмечено необычайно большое количество муравейников рыжего лесного муравья, многие из них достигают более метра в высоту. Черноольховые леса приурочены к ручьям и заболоченным понижениям за береговым валом, встречаются также на заброшенных огородах. Они представлены несколькими типами, местами заболочены и труднопроходимы.

Побережье Финского залива с песчаными дюнами – это живописная, но и наиболее нарушенная часть памятника природы. На песчаных пляжах встречаются сообщества злака колосняка песчаного. В междюнных понижениях можно найти осоку песчаную – вид, занесенный в Красную Книгу Ленинградской области. Несмотря на то, что воды Финского залива имеют малую соленость, здесь произрастают настоящие прибрежные виды, такие, как морская горчица, чина приморская и гонкения бутерлаковидная.

Прибрежная зона Финского залива является местом остановки пролетных водоплавающих птиц. Некоторые виды, как, например, тундряной лебедь и лебедь-кликун, гагары, гусь-гуменник, белолобый гусь, иногда образуют здесь скопления до нескольких сотен птиц.

Всего на территории «Комаровского берега» зарегистрировано 403 вида растений, 198 видов птиц, 20 видов млекопитающих, 4 вида амфибий и 2 вида рептилий. Из них 3 вида растений и 23 вида птиц охраняются в Ленинградской области.

KOMAROVO COAST NA- TURE MONUMENT

Komarovo Coast State Complex Nature Monument with the total area of 190 ha was founded in 1992. It is situated on the northern coast of the Gulf of Finland in the famous Kurortny district of Saint-Petersburg close to Komarovo estate. There are very few places in the environs of Saint-Petersburg that are characterized by such a contrasting combination of different landscapes on a small area like this. Boreal forests (or taiga) zones typical for Karelian Isthmus and coastal dune landscapes are well-preserved here.

The main part of the Nature Monument lies on the lower Lithorina terrace. It was named after ancient Lithorina Sea that occupied the territory of the modern Baltic Region about 8000 years ago. The terrace extends from the today's coast of the Gulf of Finland to the slope that is also called Lithorina cliff. Among Nature Monument's flora, spruce and black alder forests are of the most interest. Spruce forests that can rarely be found in the neighborhood of Saint-Petersburg are also remarkable for numerous anthills of the red ant; some of these anthills are more than 1 meter high. Black alder forests are associated with streams and marshes behind the coast swell and can sometimes be found on the territory of deserted gardens.

Northern coast of the Gulf of Finland with its sandy dunes is a very picturesque, but at the same time the most damaged part of the Nature Monument. Communities of lyme grass can be found here. In spite of the fact that Gulf of Finland waters have low salinity, true coastal species such as sea rocket, beach pea, and sea sandwort are growing here. In the lowlands between the dunes one can find sand sedge, a protected species that is listed in the Red Data Book of Leningrad Region. Above all, coastal zone of the Gulf of Finland that is about 300 meters wide is the staging area for migratory aquatic birds. Some species such as Bewick's swan, whooper swan, loons, bean goose, and white-fronted goose sometimes form aggregations of up to several hundred birds here.

In general, about 403 species of plants, 198 species of birds, 20 species of mammals, 4 species of amphibians, and 2 species of reptiles have been reported for Komarovo coast. 3 species of plants and 23 species of birds are protected in Leningrad region.

ЗАКАЗНИК «ГЛАДЫШЕВСКИЙ»

Государственный комплексный заказник «Гладышевский» создан в 1996 г. Он расположен в южной части Карельского перешейка, на территории Ленинградской области и Курортного района Санкт-Петербурга. Общая площадь заказника 8419 га, в административных границах Санкт-Петербурга лежит часть территории площадью 765 га.

Заказник организован прежде всего для сохранения уникального природного комплекса - биосистемы «лосось - жемчужница», а также других редких представителей флоры и фауны. Порожистая река Гладышевка с притоками является единственным местом на Карельском перешейке, где совместно обитают лососевые рыбы и пресноводный моллюск жемчужница, занесенный в Красную книгу России. Развитие личинок жемчужницы проходит на мальках атлантического лосося и кумжи. Моллюск селится на галечном дне речных перекатов и плесов, чувствителен к загрязнению воды и может служить индикатором ее чистоты.

Помимо реки Гладышевки водная система заказника включает реки Великая, Рощинка и Черная, озеро Гладышевское и часть акватории Финского залива. Столь разнообразные условия для обитания гидробионтов определяют их видовое разнообразие. В Гладышевском озере обитает ледниковый реликт - рачок мизида, служащий кормом для ряда видов рыб, в том числе лососевых. Он встречается только в водоемах с высоким содержанием кислорода и его наличие также может быть показателем чистоты воды и отсутствия эвтрофикации. Ихтиофауна заказника насчитывает 25 видов рыб, относящихся к 9 семействам, среди которых кумжа, форель, семга, снеток, налим, судак, и другие, а также один вид круглоротых - речная минога.

В растительном покрове заказника преобладают хвойные леса. Сосняки со значительной примесью лиственных пород занимают до 40% площади бассейна р. Гладышевки. Еловыми лесами занято около трети территории. Встречаются в заказнике луга и небольшие болота.

GLADYSHEVSKY NATURE RESERVE

Gladyshevsky State Complex Nature Reserve was founded in 1996. It is located in the southern part of the Karelian Isthmus on the territory of Leningrad region and Kurortny district of Saint-Petersburg. This Nature Reserve covers 8419 ha, 765 ha of which belongs to administrative territory of Saint-Petersburg.

Coniferous forests form the main component of the reserve's vegetation. Pine forests with a considerable admixture of deciduous trees occupy up to 40% of the Gladyshevka River basin area. Spruce forests cover about one-third of the territory. Secondary parvifoliate forests, mostly birch and aspen, have replaced the cleared spaces. Forests are under pressure from anthropogenic activities: paths, former campgrounds, and camp-fires can be seen everywhere. There are also meadows and small marshes in the Nature Reserve.

This Nature Reserve was primarily founded in order to preserve the unique biological complex, interaction between wild salmon and pearl mussel, and to protect other endangered species of flora and fauna. The Gladyshevka River with its rapids and tributaries is the only place on the Karelian Isthmus inhabited both by salmonid species and freshwater pearl mussel that is listed in the Red Data Book of Russia. Larval stages of the pearl mussel develop on the parr of Atlantic salmon and brown trout. Adult mollusks inhabit pebble ground of river sand spits and stretches; they are very sensitive to water pollution and can serve as useful indicators of water quality. Critical conditions for sustainable growth of salmonid and pearl mussel populations are habitat preservation, water pollution prevention, and poaching control.

Besides the Gladyshevka River, the waters of the Nature Reserve include the Velikaya, Roshinka, Chernaya Rivers, the Gladyshevskoe Lake, and a part of the Gulf of Finland. Such a variety of habitats lead to hydrobiont species diversity. For example, glacial relict opossum shrimp - food organism for several fish species including salmonid fishes - inhabits the Gladyshevskoe Lake. This species can be found only in reservoirs with high oxygen concentrations. It can also serve as an indicator of water quality and lack of eutrophication. Nature Reserve's ichthyofauna is represented by 25 species of fishes, belonging to 9 families, and one species of the order Cyclostomata - river lamprey.

предисловие

Перед Вами не совсем обычная книга.

Переворачивайте ее страницы медленно. Не спешите перейти от одной фотографии к другой. Они уже уникальны, ибо показывают, как наш город все еще выглядит в начале своего четвертого столетия. Но даже в тот момент, когда вы их рассматриваете, он уже изменился.

В детстве мы с приятелями любили забираться в лесные дебри, окружающие Финский залив, лазили по берегам ручьев, впадавших в него, ловили рыбу на мелководьях тростниковых плавней, купались и загорали на валунах, торчащих из воды. В лесах мы встречали белок, вечерами ловили в кепку ежей, знали дупла в старых дубах, в которых жили летучие мыши. Весной малиновки из зарослей ив, а дрозды с вершин сосен пели нам, когда мы спускались к заросшим берегам залива утром, а крики сов гнали нас домой, когда на его белесые воды ненадолго опускалась тьма. Если бы с нами был хороший фотограф, он бы мог сделать фотографии, которые бы вошли в эту книгу: «Детство в дебрях лесов у Финского залива».

Но эти фотографии не были сделаны. Теперь они и не могут быть сделаны. Ручей засыпан при строительстве дамбы и теперь течет по трубам; малиновки, дрозды и совы покинули побережье, оглашаемое шумом тысяч отдыхающих горожан. Для большинства людей это земля для комфортной жизни, для других – только лишь воспоминание о том, какую прекрасную она была и уже никогда больше не сможет стать. Возможно, пройдет всего несколько десятков лет и уже эти немногочисленные волнующие сердце островки девственной природы исчезнут также, как исчезли наши детские дебри.

памятник природы

Стрельнинский берег

*Румяный парус там стоит
Что лайка на волнах ленивых,
И отблеск розовый безжизн
На их лазурных переливах.*

А.Н. Майков

В старину земли по южному побережью Финского залива входили в Водскую пятину – одну из пяти областей, на которые делилась в то время Новгородская земля. По Столбовскому договору 1617 года они отошли к Швеции. В 1624 шведский король в благодарность за службу пожаловал эти земли дипломату и государственному деятелю Иоганну Шютте. В 1630-х годах Шютте основал на высоком морском берегу в устье реки Стрельна свою усадьбу с прудом, водяной мельницей, пристанью, садом, оранжереями и небольшой домовою церковью.

«По завоевании края от шведов, нынешний Петергофский уезд не отличался теми живописными видами, которые мы видим теперь. Вдоль всего побережья Финского залива шли одни вековые леса и болотные топи, кое-где только попадались хижины финнов-рыбаков, покрытые болотною травой...», - писал известный историк Петербурга Пыляев.

Здесь, в 19 верстах от северной столицы Российской империи, Петр I первоначально намеревался создать свою парадную летнюю резиденцию - «русскую Версалию». По его повелению ранее пустынный, угрюмый и заболоченный берег был превращен в цветущий уголок с галереей загородных дворцов и парков.

С тех пор природа Стрельнинского берега неизменно привлекала многие творческие личности. Среди поэтических описаний этой местности можно встретить такие: «Ни разу не проезжал я через Стрельну, чтоб не посетить сего святилища... Здесь, сидя на берегу открытого моря, из-за горизонту коего мелькают с одной стороны златые и разноцветные верхи Петрополя, а с другой мачтовый лес грозного Кронштадта, при шуме пенящихся волн, <...> объемлет томность сладкая, грусть приятная!», - писал художник П.П. Свиньин.

По распоряжению царя все побережье от Петербурга до деревни Красная Горка разбили на одинаковые участки, предназначавшиеся для загородных усадеб знати. Границей их служила грунтовая дорога, названная впоследствии «Петергофской перспективой», южнее которой какое-либо строительство было запрещено. Еще в первые годы основания Петербурга был издан указ, запрещавший рубку ценных пород деревьев. Нарушителей ждал не только штраф, но и физическое наказание в виде шпицрутен и даже ссылка в каторгу, а за порубку дуба – смертная казнь. Однако, несмотря на столь суровые меры, к концу XVIII века и эти рощи были уничтожены. Грозные указы не смогли спасти петербургские леса, обреченные рано или поздно уступить место растущему городу.

Строители первых загородных домов и мыз удачно использовали необычный рельеф побережья: на высокой береговой террасе, резко обрывающейся в сторону залива, возводились дворцы, а болотистая местность между обрывом и заливом осушалась, и на ней закладывали парки в регулярном стиле и плодовые сады.

В огафование русскою пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже
Не каждому художнику видна.
С утра обремененная работой,
Трудом лесов, заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, огафованных людей.
И лишь когда за темной тучей леса
Ветерный луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот мгновенно упадет.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И тем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необъятней делаются дали
Рейных лугов, затонов и излуч.
Торит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых тертах распознаешь.

Н.А. Заболоцкий

Местность, где находится нынешний памятник природы, принадлежала сестрам императрицы Анны Иоанновны. Устроенная здесь приморская мыза и перешла впоследствии к императрице. Анна Иоанновна подарила мызу своему духовнику, архимандриту Троице-Сергиевой Лавры Варлааму. В 1733 году он основал здесь монастырь, названный Приморской Свято-Троицкой Сергиевскою Пустынью. По воспоминаниям современников, «внешний вид Пустыни был чрезвычайно красив. Она представляла группу зданий, то величественных, то изящных, необыкновенно эффектно выделяющихся из свежей зелени окружающих ее садов и полей. Золотые кресты и главы церквей, разноцветные стены и крыши зданий, видимые издали, немало способствовали со своей стороны к усилению эффекта.

«Местность, занимаемая обителью, была замечательна также очень красивыми видами, открывающимися с северной ее стороны. Направо – на громадный Петербург с позлащенными главами, шпилями и крестами своих церквей и других зданий. Налево – на великолепный Константиновский дворец с его роскошным вековым садом. Прямо – на огромную площадь Финского залива, в летнюю пору покрытого всевозможными судами, которые своим постоянным движением придают много жизни всей местности. В дальней перспективе - Кронштадт, как бы выходящий из морской пучины, со своим лесом мачт и грозными гранитными фортами, рассеянными, как скалы, по влажной стихии».

Из семи храмов монастыря, уцелело только два - Григория Богослова (слева) и самый первый, освященный еще в 1735 году архимандритом Варлаамом во имя преподобного Сергия. Он представляет собой классический образец базилики, прообразом которой послужил храм Преображения на горе Синай.

Даже в современном, еще далеко не полностью благоустроенном после многих лет запустения виде, внутреннее пространство храма по-прежнему поражает своим величием: «... Войдя в него, <...> вас ранее всего поражает обширность <...> перспективы храма; вглядываясь в детали его, вас подавляет величественная стройность всей постройки: везде путь взгляду открыт и нет препятствий молитвенному пути мысли...» И сейчас на престольный праздник обители – Троицу - строгое монашеское пение, запах свежескошенной травы словно переносят на полтора века назад, в пору расцвета пустыни под управлением святителя Игнатия (Брянчанинова), оставившего нам глубокие духовные произведения, которые вошли в сокровищницу русской литературы. Многие из них написаны под впечатлением созерцания природы Стрельнинского побережья.

Среди поэтов XIX века, которых вдохновляла природа этих мест, был К. М. Фофанов. Вспоминая о своем детстве на даче близ Сергиевой пустыни, поэт неприметное и обыденное в природе передает чарующими строками:

*Мне было три года, когда я впервые
Полувствовал душой всю прелесть бытия.
Был ветер. Шаяла Заря,
Все светом розовым приятно озяря.
Ложилась косо тень; по яблоням и липам
Чуть ветер пробегал; и шмель с гудящим шипом,
Катаясь на цветке акации пустой,
Пурал меня своей мохнатой спиной.
В нагретом воздухе струился запах тмина,
Настурций и вездик; и тихо паутина
Каталась серою, чуть видною струной
Меж гроздий наливных рябины молодой...*

Фофанов глубоко и тонко чувствовал природу, ее цвета, запахи и звуки, и умел передавать малейшие изменения в ней. Таково описание Финского залива в стихотворении «На взморье»:

*Все необозримыми даями белеется,
Тонет взор в безбрежности и отрадно дышится.
Там заря веерная, точно уюль плещется,
Море, как ребенок, в небесах колышется.
Тихо волны движутся, чуть белея парусом,
Вод крылом касается чайка белоснежная.
Облака, что кружева, ярус встал за ярусом,
Но Зефир развевает овертання нежные.
Встанут горы серые вместо башен города,
Львы сереброгрудые поползут, потянутся:
Взморье! Ты и веером хорошо и молодо,
И тобой утешатся и тобой обманутся.*

*Большое тихое дитя
Сидит на берегу, следя
Большими умными глазами
За золотыми облаками...*

*Вкруг берег пуст — скала, песок...
Тростник, накинанный волною,
В поморье плянется каймою...
И так покой кругом глубок,*

*Так тих ребенок, что садится
Вблизи его на тростнике,
Играя пшеница; на песке
По мели рыбка серебрится...*

А.Н. Майков

Значительное оживление на Стрельнинском побережье в летнее время было вызвано открытием в 1857 году движения поездов по железной дороге Петербург – Петергоф. Финский залив - вот что главным образом притягивало петербуржцев. «Близость воды делает воздух чистым и свежим даже в самые жаркие дни лета», - писал один из таких энтузиастов отдыха на Стрельнинском берегу.

К концу 19 века от «былой барской жизни на петергофской дороге <...> не осталось ни следа, ни предания. Большая часть дач, принадлежавших нашим вельможам, теперь перешла в руки владельцев, фамилии которых с удивлением видишь на воротах, которые некогда гостеприимно открывались только для князей, графов и их пышных цуговъ. На широких просеках барских мыз, ведущих до самого взморья, росли вековые деревья, <...>

извилистые, как речки, пруды, живописная рощицы посреди таких же полян, насыпные возвышения, увенчанные храмами, беседками, величественной архитектуры дворцы - все это кануло теперь в вечность, развалилось и вросло в землю» (М.И. Пыляев).

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРИ ЗАХОЖДЕНИИ СОЛНЦА

Великолепное светило дня, совершив дневной путь, приблизилось к закату. Склонившись к самому морю и как бы колеблясь над ним, оно пускает прощальные лучи на Землю, готовое погрузиться в море бесконечном. Смотрю на это величественное зрелище из окон моей кельи, из недр тихой обители! Передо мною и Кронштадт, и противоположный берег Финляндии, и море, испещренное полосами. <...> Заходящее солнце допускает смотреть на себя глазу человеческому, для которого оно недоступно во все время дневного пути своего, закрываясь от него невыдержимым, ослепительным сиянием.

1846 года, Сергиева пустынь, Свт. Игнатий (Брянчанинов)

*Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я близнею люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владыица, привык я забывать
И то, кем был, как был молодеже,
И то, кем ныне стал под холодом годов.
Чтобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них - не знаю.*

К.Ф. Батюшков

После октябрьского переворота Стрельна совсем обезлюдела, дачи были заброшены и постепенно разрушались. Тем не менее, каждого, кто посещал эти места, охватывало двойственное чувство - восторга от природы и горечи от царящего в городе запустения, лежащего в руинах Константиновского дворца, опустевшего Сергиева монастыря. «...Довольно печальная прогулка по <...> пустырям мертвого города», - писал в 1919 году Александр Блок. Но вскоре грустные приметы времени отскочили, как шелуха, и его вдохновенному взору явилось иное: «...Ни одной живой души, только столетние деревья, заросшие каналы, непомерно высокие неподвижные травы; мы шли все медленнее, медленнее, и вдруг налетел свежий ветер, дохнул в лицо солью, простором, еще миг - и спокойное, чуть дрожащее, еще закрытое утренним туманом, перед нами открылось море...». И эта Стрельна отошла в прошлое: что-то поглощено городом, что-то попросту разрушено и безвозвратно утрачено. Однако, по-прежнему с тропы, бегущей вдоль канала к морю, так же неожиданно открывается оно, поражая после городской суеты своим простором, свежим ветром, пьянящим воздухом и прекрасными видами на Петербург, Кронштадт и южный берег Финского залива, созерцание которых вдохновляло и вдохновляет возвышенные души.

памятник природы

П

арк “Сергиевка”

*С природою искусство соетав,
Прекрасны вы, задумливые парки:
Мне мил ковер пустых, хранимых трав
И зыбкие аллеи прохладных арки,
Где слаще мир мейтапельных забав,
Где тень мяика и иде луи неярки,
Где вест всё давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.*

Константин Фофанов.

Имение Сергиевское на западной окраине Петергофа, названное по имени Сергея Петровича Румянцева, младшего сына прославленного полководца Румянцева-Задунайского, было подарено Петру Александровичу за его заслуги перед Отечеством. В 1733 г эти земли, включая ту территорию, на которой ныне располагается парк «Сергиевка», были переданы императрицей Анной Иоанновной выдающемуся проповеднику, публицисту и общественному деятелю, новгородскому архиерею Феофану Прокоповичу. Большой ценитель красивых пейзажей, он построил здесь семинарию, возможно, считая, что достоинства приморского ландшафта будут способствовать учебному процессу и нравственному совершенствованию учеников. Здания семинарии располагались на месте нынешнего Сергиевского имения. Впоследствии оно перешло к Нарышкиным, потратившим на обустройство пейзажного парка с его огромными великолепными дубами, запрудами, мостами, каскадами и лестницами почти 1 миллион рублей. Во времена Николая I владельцем Сергиевки был сын «покойного обер-гофмаршала Кирилы Александровича Нарышкина», который вынужден был избавиться от имения в виду запутанности дел своего родителя и, через графа Бенкендорфа, предложил купить его императорскому дому. К началу 19 века это был один из чудесных живописных парков с дворцовыми и служебными постройками, с многочисленной скульптурой и фонтанами, раскинувшийся на высоком уступе приморской террасы Финского залива.

Однако теснее всего дача Сергиевка связана с именем «любезной дочери» императора Николая I Марии. 1 января 1839 года Николай I в качестве свадебного подарка пожаловал «дачу сию любезнейшей дочери Марии на вечное и потомственное владение». В это время Мария Николаевна готовилась вступить в брак с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Вскоре в имении началось строительство нового дворца, взамен обветшавшего Нарышкинского, которое было поручено выдающемуся русскому архитектору А. И. Штакеншнейдеру. По его проекту на месте старого деревянного нарышкинского дома был возведен каменный дворец. Во времена Марии Николаевны он напоминал виллу римского патриция, растворяющуюся в окружающем пространстве парка. Широкие террасы, затканые листьями вьющихся растений, придавали дворцу «волшебный вид».

*Ты помнишь ли, Мария,
Один старинный дом
И липы вековые
Над дремлющим прудом?*

И далее: «безмолвные аллеи», «заглохший сад», зарастающие пруды, длинный ряд портретов в высокой галерее, вся атрибутика царской усадьбы - все, что теперь кануло в прошлое:

*Ты помнишь ли, Мария,
Утраченные дни?*

А.К.Толстой.

Случается, что разделенные пространством географические пункты становятся непостижимым образом связаны посредством людей, светлые и трагические дни которых прошли в этих местах. Так оказались переплетены исторические судьбы Стрельнинского берега и имения Сергиевское. Еще будучи престолонаследником, Великий Князь Николай Павлович (будущий император Николай I) являлся генерал-инспектором Петербургского инженерного училища. Особое благорасположение он испытывал к одному из своих личных пансионеров Дмитрию Брянчанинову, которому суждено было стать впоследствии настоятелем Сергиевской пустыни, что в Стрельне, святителем Игнатием. Святитель Игнатий на многие годы сохранил близкую связь с Императорской семьей (история этого знакомства изложена Н.С.Лесковым в рассказе «Инженеры-бессребреники»), поэтому неудивительно, что именно его в лето 1848 года, 15 июня Мария Николаевна пригласила служить молебствие в недавно выстроенном храме Живоначальной Троицы своего Ново-Сергиевского дворца. «Нынешний день должен носить наименование «дня благополучного». <...> Основывая свою летнюю обитель на берегах Бельта, на живописном холме среди чащи развесистых вековых деревьев, Мария назвала обитель по имени преподобного Сергия. По собственному чертежу ее устроенный храм стоит на оконечности двух аллей, обе они ведут от чертога царского к чертогу Божию. <...> До 15 июня стояла в Петербурге погода ненастная, бурная. <...> С утра легкий ветер разогнал облака, благоухание лета разлилось в воздухе, на чистом синем небе сияло солнце во всем блеске. Небо казалось каким-то радостным, <...> при шуме волн, при шуме ветра морского раздавались молитвенные песнопения преподобному Сергию», - писал по этому поводу свт. Игнатий.

Мария Николаевна чуждалась придворной суеты и полюбила уединение в Сергиевском имении, к которому ее в большой степени располагал прекрасный пейзажный парк имения с вековыми хвойными деревьями и дубами, лужайками, фонтанами вокруг дворца, разнообразными галереями, павильонами и многочисленной парковой скульптурой. Над созданием парка работал выдающийся садовый мастер Петр Иванович Эрлер, известный своими замечательными творениями в Петродворце.

*Эта светлая аллея
В старом парке — по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.*

*Весь прозрачный — утром рано,
В белом пламени тумана
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.*

*Кто-то вздрогнул в этом мире.
Щебет птиц. Далекий клюк.
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луб.*

*Всё распалось. Мы придем
Снова в мир, чтоб видеть сны.
И становится невидим
Бог рассветной тишины.*

М.А. Волошин

В в солнечные ясные дни выходил я на крыльцо, садился на скамейку, смотрел на обширный сад. Нагота его покрывалась снежным покрывалом; кругом все тихо, какой-то мертвый и величественный покой. Это зрелище начало мне нравиться: задумчивые взоры приковывались к нему, как бы высматривая в нем тайну. <...> Внезапно упала завеса с очей души моей: перед ними открылась книга природы. <...>. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весной, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на обнаженные сугья дерев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: "мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами и плодами: неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей?" <...> И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его преобразовательным, таинственным действием!

1843 года, Сергиева Пустынь, свт. Игнатий (Брянчанинов)

Учитывая своеобразие рельефа и растительности парка, Эрлер создал уникальную ландшафтную композицию, удивляющую неожиданными цветовыми акцентами то покрытых хрустальным инеем деревьев среди однообразно-белой снежной пелены, то буйной весенней зелени папоротников по берегам ручьев, то «багреца и золота» дубов и кленов с приходом осени. Особую красоту парку придавали многочисленные искусственные пруды с плотинами и два глубоких оврага, прорезающих парк с севера на юг. По дну оврагов к заливу устремлялись ручьи, через которые были сооружены живописные каменные мостики.

*Маститые, ветвистые дубы,
Задумчиво поникнув головами,
Что старуы древние на веѣ перед толпами,
Стоят, как бы решая их судьбы.
Я тщетно к их прислушиваюсь шуму:
Все не поймать мне тайны их бесед...*

А.Н. Майков

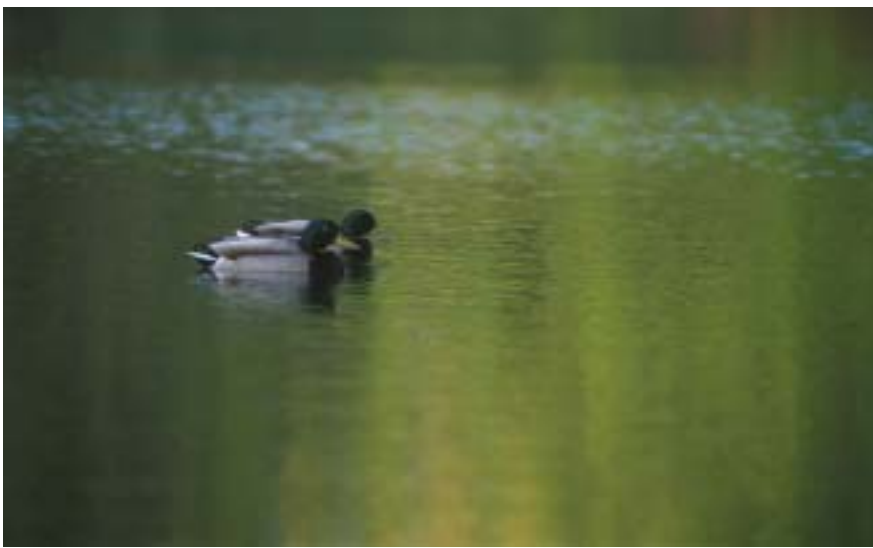

Своей красотой парк привлекал к себе замечательных русских художников. В 50-е годы 19 века молодой Алексей Кондратьевич Саврасов по специальному приглашению Марии Николаевны приехал сюда, чтобы запечатлеть виды Сергиевки и ее окрестностей. Две картины Саврасова, выполненные в Сергиевке - «Вид в окрестностях Ораниенбаума» и «Морской берег в окрестностях Ораниенбаума» - принесли ему позже звание академика живописи. Картины, написанные в Сергиевке, привлекают лиричностью воспроизведения природы. С любовью передает Саврасов очарование летнего вечера на взморье, влажность морского воздуха в тени огромных валунов, сумрак под широко раскинувшимися ветвями вековых Сергиевских дубов. Недалеко от западных границ «Сергиевки» - И. И. Шишкин писал свои знаменитые мордвинские дубы.

Скончалась Мария Николаевна 9 февраля 1876 года. По завещанию ее дача Сергиевка осталась в нераздельной собственности сыновей. Средний из них, Николай Максимилианович Лейхтенбергский, был президентом минералогического общества, и один из открытых им минералов был назван в его честь - лейхтенберит. Остальные трое сыновей Марии Николаевны, как большинство дворян того времени, служили в армии и проявили храбрость в военных сражениях. В начале 1905 года семья младших Лейхтенбергских, по воспоминаниям учителя французского языка Пьера Жильяра, из Крыма «переехала на прекрасную Сергиевскую дачу в Петергофе. Контраст был разительный: сухое побережье южного Крыма, маленькие татарские деревушки, скрытые в горах, и пыльные кипарисы сменились огромными сосновыми лесами и очаровательной свежестью берегов Финского залива...». Весьма трагично сложилась судьба потомков первой владелицы Сергиевского дворца в наступавшие бурные годы начала 20 столетия. Многие из них вынужденно покинули родину или погибли в годы репрессий. Печальная участь ожидала и дворцовое здание. Имение национализировали, на его территории организовали совхоз, а дворец заняла детская коммуна.

В 1919 году, занимаясь формированием Петергофской экскурсионной станции, профессор Петроградского университета К. М. Дерюгин обследовал окружающие территории, в результате чего уже через год состоялось официальное открытие на территории парка «Сергиевка» Естественнонаучной станции университета, которую вскоре преобразовали в Петергофский естественно-научный институт.

*Ярким утром на тихом пруде
Резво ласточки реют кругом,
Опускаются к самой воде,
Чуть касаются влаги крылом.*

*На лету они звонко поют,
А вокруг зеленеют луга,
И стоит, словно зеркало, пруд,
Отражая свои берега.*

*И, как в зеркале, меж тростников,
С берегов опрокинулся лес,
И уходит узор облаков
В глубину отраженных небес.*

И.А. Бунин

РОСА

По синему, безоблачному небу в прекрасный летний день великолепное светило совершало обычный путь свой. Горели золотые кресты соборного, пятиглавого храма, воздвигнутого во славу Всевышняя Богоначальныя Проиц; серебристые купола его отражали ослепительное сияние лучей солнечных. За оградою того монастыря, к восточной стороне, лежит обширный луг. Когда он был покрыт густою, нежною травою, разнообразными дикими цветами, которые увели и благоухали бесконечно на свободе и приволье. В тот день упала на него обильная роса. Бесмысленные ее капли виднелись на каждом цветке, на каждом стебельке и мелком листочке, а в каждой капле изображалось с отчетливостью солнце; каждая капля испускала лучи, подобные лучам солнца. Луг имел вид широко постланного бархатного ковра, на котором по яркой, густой зелени роскошная рука рассыпала бесмысленное множество разноцветных драгоценных камней с превосходным опливом, ирою, с лучами и сиянием.

*1843 года, Сергиева Пустынь.
свт. Игнатий (Брянчанинов)*

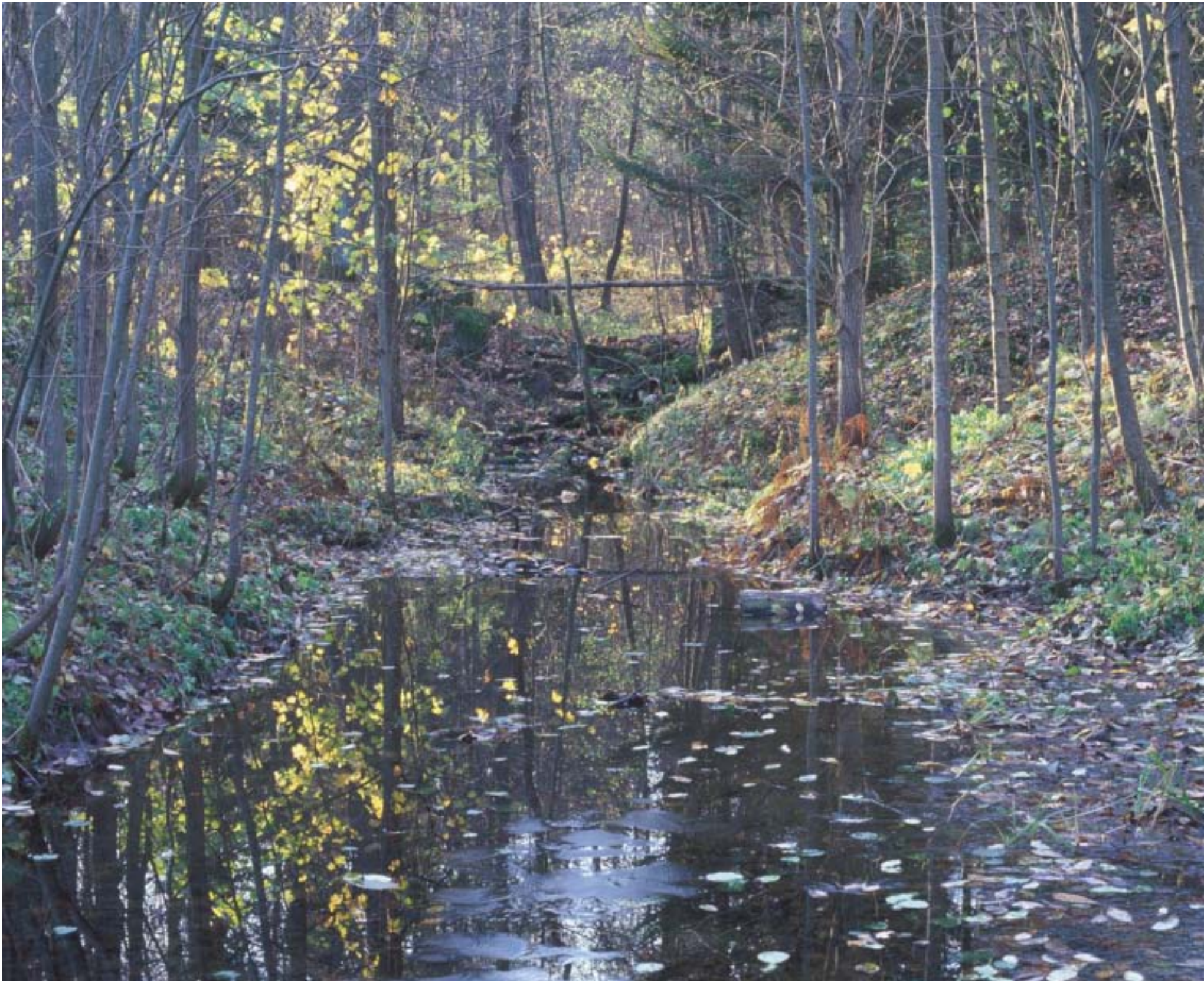

*Два раза снег уже выпадал,
Держался день и таял снова...
Не узнаю леса родного —
Как светел он, как редок стал.
Чернеют палки гнезд вороньих
На дереве; кой-где дрожат
Один листок, и лес молчит...*

А.Н. Майков

На детальном плане усадьбы, составленном архитектором А.И. Штакеншнейдером в 1843-1846 гг. на восточном берегу Воронцовского пруда указаны два памятника - императору Александру I и его жене, императрице Елизавете Алексеевне, постаменты от которых сохранялись еще в 1970-е годы, недалеко от загадки парка – головы из камня, и сейчас вызывающей удивление посетителей. Считается, что камень изображает голову спящего воина, и на нем раньше был стальной шлем, как у русского богатыря, что подтверждает отверстие на переносице, которое осталось от крепежа защитной вертикальной пластинки.

*И вот правителя дворуги
Добычей сделались забвенья,
Оделись пестрые зубуры
Правой и прахом запустенья;
И мхом фонтаны заросли;
Плюши, ползушине по хорам,
От самых сводов до земли
Зеленым падают узором,
И мак спокойно полевой
Растет кругом на звонких плитах,
И ветер, шелестя травой,
В вертогах ходит позабытых.*

А.К. Толстой

Во время Великой Отечественной войны территория парка оказалась передней линией обороны Ораниенбаумского плацдарма, через всю территорию парка, как шрам, проходила линия окопов, дворец был разрушен обстрелами и бомбежками, от него остались одни только стены. В послевоенные годы здание дворца восстановили, но без прежнего внешнего и внутреннего убранства. В начале 80-х годов были восстановлены плотины, пруды, дренажная система, а также проведена вырубка поврежденных деревьев. К сожалению, от бывшего великолепия мало что осталось, и в настоящее время природа парка все более принимает свой первозданный облик. Утрачены многие строения, почти полностью исчезла парковая скульптура, сохранились лишь отдельные элементы, украшавшие парк в прошлом. Два огромные камня, часто встречающиеся на гравюрах 19 века, можно найти и сейчас. Они лежат на дне оврага у каскада из Большого пруда. С большим трудом можно найти место, послужившее сюжетом знаменитых картин Саврасова – так сильно зарос лесом береговой уступ, с которого во времена Марии Николаевны открывался простор Финского залива.

*Все как в добром старинном романе.
Дом в колоннах, и свет из окна.
Липы черные в синем тумане.
Элегантная тишина.*

В.Соколов

памятник природы

дудерзофские высоты

*Дивись не величю застывших красот
Природы, вдыхающей плухо.
К тебе переходит одна из высот
Вершин человеческого духа.*

«Песня Вороньей горе»

М.М. Дудин

К югу от прибрежных низин Финского залива, на которых расположены памятники природы «Парк «Сергиевка» и «Стрельнинский берег», в 20 км к юго-западу от Петербурга лежит равнина, однообразие которой нарушается лишь редкими невысокими холмами, среди которых выделяется Дудергофская возвышенность. Считается, что она образовалась под воздействием края наступавшего ледника, нагромоздившего здесь принесенный обломочный материал и смявшего в складки горизонтально лежавшие пласты породы. Перед возвышенностью находится обширная долина, которую прорезает извилистое русло неширокой, но быстрой реки Дудергофки. Здесь же расположены три озера - Дудергофское, Долгое, Безымянное. Поднявшись на Дудергофские высоты, можно охватить взором панораму Красного Села и его окрестностей. В ясную погоду отсюда видны южный берег Финского залива, Петербург, Пулковое, Пушкин. В 16-17 веках территория нынешнего памятника природы относилась к Дудоровскому погосту Водской пятины. Его название, по-видимому, произошло от горы Дудора (финское слова Tuutari означает «гора», «холм»), которая упоминается в Новгородских писцовых книгах. Шведы, захватив эти земли, стали именовать их Ингерманландией. Пытаясь выкорчевать все русское, они разрушали славянские поселения и переселяли сюда финских крестьян. Именно тогда здесь появились многочисленные финские названия, сохранившиеся и до нашего времени. В результате Северной войны Петру I удалось окончательно вернуть эту территорию России. Дудергофскую мызу Петр I подарил своей жене, будущей императрице Екатерине I. Нередко весь двор ездил в эти места «потешиться катанием с гор в санях».

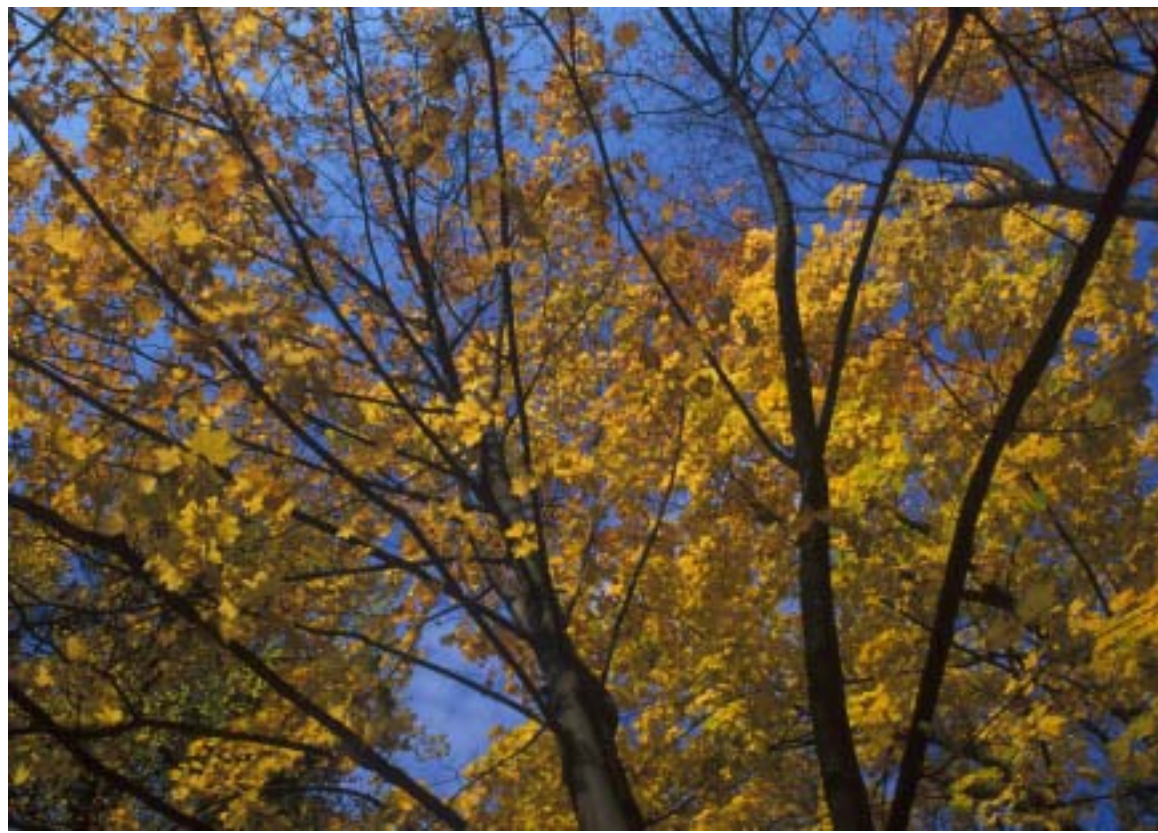

Близость к Санкт-Петербургу и царским резиденциям в Петергофе и Царском Селе способствовала тому, что в царствование Екатерины II на западном берегу Дудергофского озера у подножия гор разместили летние военные лагеря гвардии. Они представляли собой довольно живописную картину. Кавалерийские полки располагались обыкновенно в избах и дворах по деревням и слободам, а пехота - в открытом поле, в палатках, покрывающих видимое пространство кругом Красного Села. В эти лагеря армию выводили такими корпусами, «в коих бы можно было не токмо солдатство ружейной экзерциции обучать <...>; генералам подать случай показывать новые опыты доказанного уже ими искусства; но, вспоминая прежние свои подвиги, доказать <...> сколь охотно и усердно все и каждый понесли бы жизнь свою <...> в оборону своего Отечества».

В 1834 году, находясь на службе в лейб-гвардии гусарском полку, в этих лагерях бывал молодой прапорщик М. Ю. Лермонтов. Об этом напоминают его рисунок «Маневры в Красном Селе» и поэма «Монго», в которой упоминается природа Дудергофских окрестностей:

*Садится солнце за горой,
Шурман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.*

Примечательно, что каждый полк имел свою полковую церковь: Всех Святых - в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку, Казанской иконы Божией Матери - в лейб-гвардии Кавалергардском полку, св. мученика Иоанна Воина - в лейб-гвардии Уланском полку, а на берегу Дудергофского и Долгого озер, в Авангардном лагере - храм Николая Чудотворца...

Храмовые здания, несомненно, организовывали окружающий ландшафт. С Дудергофских высот открывалась великолепная панорама окрестностей Красного села с располагавшимися на возвышенных местах 11 храмами. Только два из них - св. Александра Невского и Святой Троицы - маленькая точная копия Петропавловского собора, - сохранились до наших дней. От остальных церквей, каждая из которых была выстроена по оригинальному проекту, не осталось и камня на камне.

С восшествием на престол Николая I началось освоение Дудергофской возвышенности. Эти земли были подарены императором своей супруге - императрице Александре Федоровне. По ее приказанию лес местами был расчищен, проведены английские дорожки, устроены лестницы из песчаника, разведены два фруктовых сада. От выстроенного на одной из вершин Швейцарского домика дорожка приводила к источнику в виде небольшого грота. В долине, вблизи узкого, длинного пруда располагался Молочный домик с небольшим садиком.

После смерти императрицы Александры Федоровны в 1861 году Дудергоф перешел по наследству к ее сыну великому князю Михаилу Николаевичу. При нем Дудергоф стал одним из известнейших дачных пригородов Петербурга. Число желающих отдохнуть летом в этой местности особенно увеличилось после 1858 года, когда была проведена железная дорога до Красного Села. Но, несмотря на растущее число дач, они не стали ведущим элементом Дудергофского ландшафта. Великий князь Михаил Николаевич ставил перед арендаторами довольно жесткие условия: запрещалось вырубать деревья, даже те, что грозили падением; все пересадки саженцев из парка велись только под наблюдением садовника. В 1879 году местный дачевладелец, тафельдекер императорского двора Тимофей Учителев, выступил с ходатайством позволить ему возвести в Дудергофе церковь и инвалидный дом для отставных солдат и офицеров. Он же первым сделал пожертвование в размере 20 000 рублей. Великий князь Михаил Николаевич выделил под строительство неосвоенный участок, примыкающий к парку с юго-запада. Здесь по проекту архитектора В. И. Токарева была возведена церковь во имя святой равноапостольной княгини Ольги, в московском стиле с колокольней, имевшей высоту 12 саженьей, которая была видна с любой точки имения. Вскоре был построен и комплекс инвалидного дома, разбит сад и вырыты два пруда. В 1897 г. на средства графини М. А. Сольской в Дудергофе был устроен детский приют-колония и лазарет для раковых больных. Церковь св. Ольги была закрыта в 1929 году, а в ее стенах устроена фабрика по производству киноплёнки, в настоящее время на этом месте пустырь.

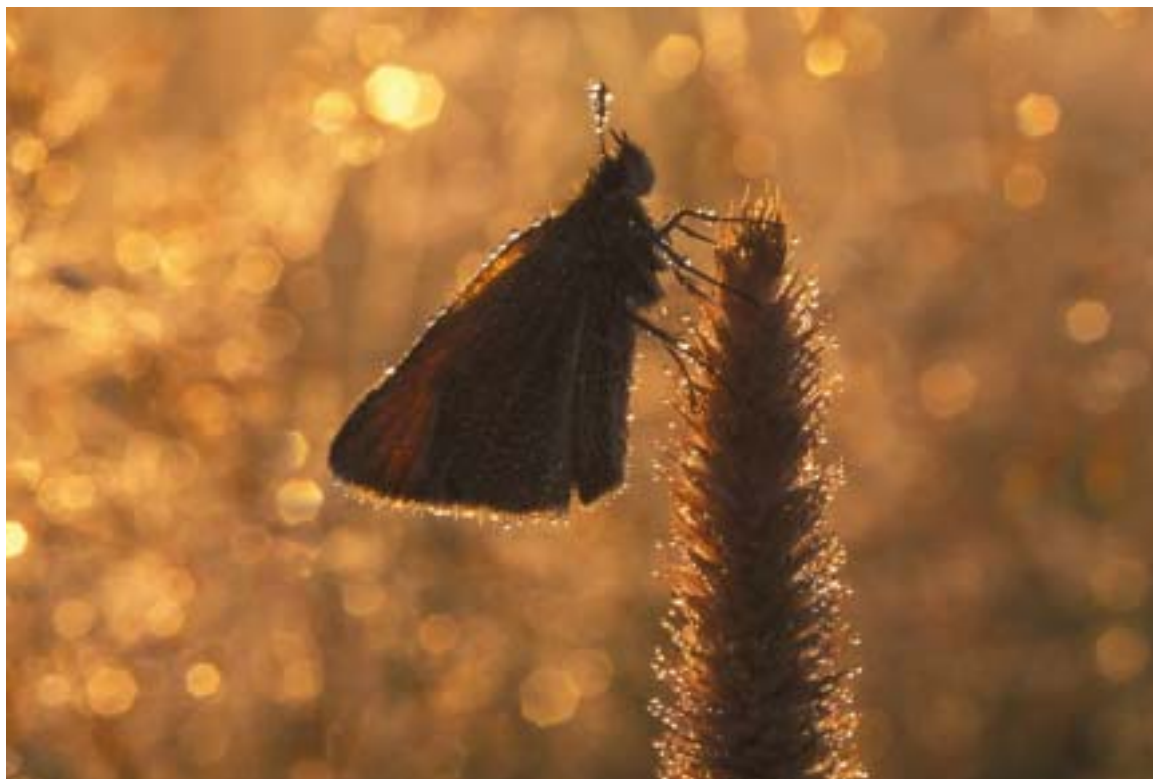

Пышная растительность Дудергофских высот скрывала застройку, и с парковых дорожек она была практически не видна. Перспективы, открывавшиеся с гор Вороньей и Ореховой, были направлены дальше, на окружающий ландшафт. Красота и своеобразие природы Дудергофских высот, необычный вид с гор способствовали росту популярности парка среди дачников, особенно в летнее время. Поэтому в 1885 году в долине близ Молочного домика был построен театр, тир, павильоны для панорамы и продажи фруктов, карусели, а в бывшем Молочном домике открыли буфет. Долину благоустроили, разбили цветники, с этих пор она получила название Театральной и стала излюбленным местом отдыха и развлечений петербуржцев.

После революции популярность парка ничуть не уменьшилась. В советский период он был назван «Нагорное». Живописная природа и проводившаяся здесь культурно-массовая работа привлекала на Дудергофские высоты много людей. В Швейцарском домике императрицы Александры Федоровны посетителям парка выдавали напрокат спортивный инвентарь, гамаки, музыкальные инструменты, игры и даже самовары. В эти годы парк выглядел практически также, как и в XIX веке: Ореховая гора была покрыта ельником с примесью широколиственных пород, а Воронья - смешанным сосново-еловым лесом. Зимой парк использовался для лыжного спорта, устраивались соревнования по катанию с гор и прыжкам с трамплина.

Последняя война огненной лавиной выжгла Дудергофские высоты, сильно пострадала естественная древесная растительность парка, были разрушены многие архитектурные памятники.

9 сентября 1941 года два немецких корпуса после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начали наступление на Дудергофские высоты. У южного подножия горы Ореховой стояли тяжелые орудия, снятые с крейсера «Аврора». Русские моряки стояли насмерть, «не пропуская в град святого Петра вражеские полки».

Память погибших моряков-авроровцев, доказавших своим подвигом любовь к Отечеству, была увековечена монументом.

Немецкие войска использовали Воронью гору для обстрела окруженного Ленинграда. В 1944 году во время операции Советской армии по снятию блокады немцы, стремясь остановить наступление наших войск, взорвали плотину, которая сдерживала воды Дудергофских озер. Вся нижняя часть Красного Села была затоплена. Бойцы сражались по пояс в ледяной воде. Бой был исключительно жестоким: теперь уже русские солдаты середины двадцатого столетия - преемники тех, которые «вспоминали свои подвиги» под Красным Селом - отдавали свои жизни за Отечество под Вороньей горой.

Земля, земля! сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило Зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с деревьев на могилы, исплеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также — только в течение краткой жизни своей, также увянут, иссызнут. Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!

20 мая 1844 года. Свт. Игнатий (Брянчанинов)

*Ветер осенний в лесах подымается,
Шумно по листьям идет,
Мертвые листья срывает и весело
В бешеной пляске несет.*

*Шалыко замрет, припадет и послушает,
Снова взмахнет, а за ним
Лес зашумит, зашрепещет, - и сыплются
Листья дождем золотым.*

И.А. Бунин

В результате боевых действий территория Дудергофских высот была сильно изрыта траншеями и котлованами. Количество хвойных деревьев, которые преобладали в Дудергофском парке до 1941 года, уменьшилось в 10 раз, а общий процент сохранности деревьев не превышал 20. Массовая гибель старых деревьев привела к тому, что вместо хвойных деревьев стал быстро разрастаться подлесок. Он состоял из лещины, рябины, бузины красной, ольхи серой и декоративных кустарников, а позднее стали восстанавливаться ясень, клен, дуб, вяз и липа.

Широколиственные леса, покрывающие сейчас Дудергофские высоты особенно живописны золотой осенью и придают неповторимое очарование окружающему ландшафту.

*Прозрачных облаков спокойное движение,
Как дымкой солнечной переменя свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких обертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Попа роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменилась прелестью; ликующего лета
Луками сильными уж боле не согрето,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдали влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былинны
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружатся медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом...*

А.К. Толстой

ЗАКАЗНИК

Ю

НТОЛОВСКИЙ

*А небо так светло, светло, безмятежно,
Что вон — далеко в стороне —
Я вижу — мелькнул рыболов белоснежный
И тонет теперь в вышине.*

*Листы шелестят у меня под ногами,
Два дятла где-то стучат...
А солнышко тихо встает над полями,
Озера шумящим горят.*

К.Д. Бальмонт

Территория Юнтоловского заказника лежит в пределах плоской заболоченной низины Финского залива, в так называемой Лахтинской впадине - одном из заливов Литоринового моря (по названию моллюска *Littorina*, и поныне обитающего в водах Балтийского моря), некогда покрывавшего всю территорию современного Петербурга. С течением времени морская лагуна мелела и превратилась в болотистую низину, заросшую обширными тростниковыми зарослями. Значительную часть ее занимает озеро Лахтинский разлив и окружающее его болото. С севера к ним примыкает довольно обширный массив Юнтоловской лесной дачи, ограниченный впадающими в разлив речками Каменкой и Юнтоловкой. На сравнительно небольшой территории заказника можно и поныне наблюдать картины той нетронутой человеком природы, которую видели современники Петра I, когда еще не было Петербурга. Археологические находки свидетельствуют, что «финский рыболов, печальный пасынок природы» поселился в этих краях задолго до основания северной столицы, отсюда и финское название местности - «лахта» (в переводе «залив», «бухта»). Первое письменное упоминание о небольшой деревне, положившей начало Лахте, относится к 1500 году. В отличие от других окрестностей Санкт-Петербурга, которые практически сразу после завоевания от шведов были подарены Петром I своим подданным, мыза Лахта вплоть до середины 18 века находилась в ведении «Канцелярии от строений дворцов и садов».

Начало частному землевладению в Лахте положила Екатерина II. В 1764 году императрица пожаловала «мызу Лахту.. со всеми к сей мызе приписными землями, лесами, санными покосы и всякими угодья, и чем те крестьяне ныне владеют» своему фавориту генерал-фельдцейхмейстеру графу Григорию Орлову. Впоследствии мыза Лахта поменяла нескольких хозяев, пока в 1844 году имение не перешло во владение графов Стенбок-Ферморов. Владимир Александрович Стенбок-Фермору происходил из знатной и богатой семьи. Его отец - Александр Иванович принадлежал к старинному шведскому роду Стенбоков, а мать Надежда Алексеевна была правнучкой знаменитого заводчика Саввы Яковлева и считалась в 19 веке одной из самых богатых женщин России. Стенбок-Ферморы большую часть времени жили в Петербурге и в имение приезжали довольно редко. Все дела были отданы в руки поверенного графа П. А. Ахочинского. Так продолжалось и первые несколько лет при Владимире Александровиче, так как к тому моменту, когда он стал владельцем Лахты, ему было всего 13 лет. Заниматься делами имения он стал только с 1880-х годов, после того как ушел в отставку с военной службы.

Владимир Александрович любил свое Лахтинское имение. На берегу залива по проекту архитектора А. И. Кузнецова он выстроил каменный двухэтажный особняк, получивший название Охотничий замок, где граф и проводил большую часть времени. Этот особняк знаменит, в частности, тем, что именно сюда после полярной экспедиции на Новосибирские острова, снаряженной на средства графа, были доставлены для препарирования останки мамонта, впоследствии подаренного им Парижской Академии наук.

На средства, пожертвованные Стенбок-Феромором, в Лахте построили церковь, двухэтажное здание для церковно-приходской школы и приют. Церковь во имя апостолов Петра и Павла была установлена в память подвига Петра I, который, возвращаясь из своей усадьбы «Ближние дубки» 5 ноября 1724 года оказался свидетелем того, как плывший из Кронштадта бот с солдатами сел на мель. Петр велел приблизиться к судну и принялся помогать солдатам, стаскивать бот с мели и спасать людей. Стоя по пояс в воде, он жестоко простудился и по возвращении в Петербург оправиться от недуга так и не смог. До строительства церкви на этом памятном месте находился большой киот с иконами.

Именно при графе Владимире Александровиче началось планомерное осушение Лахтинской впадины. Все болото было покрыто дренажными канавами. Они выводились в соседние речки - Каменку и Юнтоловку, а участки торфяника после осушения использовали под сенокосы и пастбища. Также во второй половине XIX века для защиты от наводнений в проливе, соединяющем Лахтинский разлив с Невской губой, была насыпана земляная дамба, однако из-за небольшой прочности и высоты вода залива при наводнениях размывала ее. Постепенно этой местностью стали интересоваться дачники. Они появились в Лахте уже в 30-х годах 19 века, однако первые дачники были совсем немногочисленными. В путеводителях того времени слабый интерес к Лахтинскому разливу объясняли тем, что «местность эта по большей части болотисто-песчаная, низкая... бедная растительностью... Сильная влажность, сырость отражаются на здоровье местных жителей и дачников в летнее время, наделяя их простудными заболеваниями».

Но со временем горожане среднего достатка облюбовали в качестве дачной местности Новую и Старую Деревни неподалеку от Лахты. Жилье здесь было довольно дешевым, так как финские крестьяне на лето отдавали дачникам свой дом, а сами перебирались в сарай. В середине прошлого века через Лахтинский залив был наведен оригинальный плавучий мост трехсот саженой длины, «который так устроен, что, держась между двумя рядами вбитых поперек разлива свай, постепенно, по мере прибыли и убыли воды, поднимается».

В 1895 году частное акционерное общество построило тридцатикилометровую железную дорогу, связавшую Петербург с курортом Сестрорецк. Железная дорога вдохнула новую жизнь в этот район. Северное побережье Финского залива стало одним из самых модных дачных мест в окрестностях Петербурга. Появились многочисленные акционерные общества, занимающиеся устройством пригородных поселков и разработкой проектов загородных домов. Летом залив был усеян лодками. Рай наступал и для охотников: в заросших тростниками Лахтинских угодьях гнездились и останавливались на пролете множество птиц. Таким образом, дачный бум дошел и до Лахтинского имения графов Стенбок-Ферморов.

Лягушка, взиромозясь, как на подмости,
На старый пен, поргающий из воды,
На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты пошле цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Крутом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростиннок пошлых и сухих.
Ах! Прелесть есть в этом Запустенье!...
А были дни, мое воображение
Пленял лишь вид подобных тулам гор
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри, да белых вилл ограда
Под зеленью плоча и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины малайской,
Над серебром с горы падающих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствии людей
Ворву ощущал сквозь этот цур уторный,
По погемушкам выюнных лошадей
Шропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такую же мелтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же Здесь Заманливо со мной
Беседует таинственность природы.

А.Н. Майков

К началу 20 века в имении сменился владелец, им стал сын графа Стенбок-Фермора Александр. Молодой граф прославился своей расточительностью, которая дошла до того, что его мать была вынуждена просить императора Николая II установить над ним опеку. Чтобы улучшить свое финансовое положение, Стенбок-Ферморы вынуждены были продавать земли Лахтинского имения под дачи по частям. Возникшие поселки были названы по именам прежних владельцев: Ольгино, Владимировка и Александровка. В летнее время петербуржцы добирались сюда водным путем от Николаевской пристани небольшими судами Финляндского общества легкого парходства, а после прокладки железной дороги по защитной дамбе в проливе, соединяющем Лахтинский разлив с Невской губой, и поездом от Новой Деревни, где у сада «Аркадия» находился вокзал. С началом Первой Мировая войны количество дачников заметно уменьшилось, но графиня Стенбок-Фермор осталась в Лахте. Она оборудовала свою лахтинскую резиденцию «Охотничий замок» под лазарет для раненых.

В огафование русскою пейзажа
Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждаго и даже
Не каждаму художнику видна.
С утра обремененная работой,
Шумом лесов, Заботами полей,
Природа смотрит как бы с неохотой
На нас, неогафованных людей.
И лишь когда за темной ташей леса
Вечерний луч таинственно блеснет,
Обыденности плотная завеса
С ее красот миновенно упадет.
Вздохнут леса, опущенные в воду,
И, как бы сквозь прозрачное стекло,
Вся грудь реки приникнет к небосводу
И загорится влажно и светло.
Из белых башен облачного мира
Сойдет огонь, и в нежном том огне,
Как будто под руками ювелира,
Сквозные тени лягут в глубине.
И тем ясней становятся детали
Предметов, расположенных вокруг,
Тем необгятней делаются дали
Речных лугов, Затонов и излук.

Н.А. Заболоцкий

Вскоре после революции 1917 года по распоряжению комиссариата Народного Просвещения в Охотничьем замке разместилась Лахтинская Экскурсионная станция, которая силами подлинных энтузиастов «многое осуществила в деле естественнонаучного изучения всего побережья Невской губы». При этой станции был создан интересный музей природы северного побережья с отделами: зоологическим, орнитологическим, ботаническим, археологическим, геологическим и почвенным. Перед входом в музей висела картина И.И. Никифорова «Лахтинское взморье у Экскурсионной Станции с часовней». Надо сказать, что живописные лахтинские пейзажи не раз вдохновляли художников. Самый известный из них, И.И. Шишкин, запечатлел их в двух работах – «Дубовая роща в Лахте» и «Дубки в Лахте».

Еще в 20-е годы прошлого века среди ученых Петрограда возникли планы создания Лахтинского заповедника на северном побережье Невской губы. В обосновании к созданию заказника говорилось, что на этой территории удивительно хорошо сохранилась «драгоценная по своей примитивности и, в то же время, очень богатая комбинация растительных форм, нигде в других местах петроградского края не встречающихся». Кроме того, Лахтинская впадина и прилегающие к ней отмели Финского залива с незапамятных времен служили местом массовых стоянок перелетных птиц. Вот что писал об этом известный орнитолог А.С.Мальчевский: «Следует знать, что Лахта представляет очень важный узловый транзитный путь - место отдыха и кормежки многих тысяч водоплавающих и болотных птиц. В наши дни, когда мировые запасы птиц столь катастрофически убывают, сохранение естественной обстановки при строжайшей охране птиц на этом участке побережья имеют важное государственное значение». Окрестности Лахты значимы и памятны, пожалуй, для всей России благодаря человеколюбивому подвигу Петра Великого, знаменитому Гром-камню, славной истории и от людей зависит не исчезнет ли природа и святыни этой родной нам земли без следа, как случилось ранее во многих других пригородах Петербурга.

*Далеко по широкой равнине
Сумрак ночи осенней разлил;
Лишь на Западе сумрачно-алом
Смурты чуть видны ракит.
И ни звука! И сердце томится,
Непонятною грустью полно..
Оттого ль, что ногаи мой далеко,
Оттого ли, что в поле темно?
Оттого ли, что близкая осень
Ветт чем-то знакомым, родным -
Молчаливою грустью деревни
И безлюдьем глухим?*

И.А. Бунин

*В темную осень Земля укрывается
Желтой листвою, а под ней
Дремлет побегов и трав прозябанье,
Сок животворных корней.*

*Жизнь зарождается во мраке таинственном.
Радость и глеть ея
Служат неплемному и неизменному -
Велной красе Бытия!*

И.А. Букин

памятник природы

Комаровский берез

*Под небом мертвенно-свинцовым
Урюмо меркнет зимний день,
И нет конца лесам сосновым,
И далеко до деревень.*

Ф.И. Пютев

Территория к востоку от древнего поселения Терийоки (ныне Зеленогорск) вплоть до 1880-х годов была совершенно незаселённой. Некоторые земли были заболочены, почвы других состояли из песка; непригодные для земледелия, они не приносили дохода. Именно поэтому эта местность на побережье Финского залива пустовала. Только к 80-м годам XIX века здесь стало формироваться поселение, получившее название Келломяки. Своим возникновением Келломяки целиком обязаны "дачному буму" конца XIX - начала XX века, вызванному постройкой в 1870 железной дороги Санкт-Петербург - Риихимяки. В 1901 г. между Териоками и Куоккалой (Репино), где к тому времени уже сформировался довольно крупный дачный поселок, была открыта железнодорожная платформа Келломяки, что по-фински означает «колокольная гора». Во время строительства платформы на небольшом холме между сосен был подвешен колокол, оповещавший рабочих о начале трудового дня и обеденного перерыва. Позже колокол убрали, но название осталось. Даже в наше время, когда природный ландшафт Карельского перешейка изменён очень сильно, природа этой местности не перестаёт поражать своим великолепием всех, кто имел счастье её наблюдать. «Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьева до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреду слушая бубенцы низкорослых финских лошадок». Русской интеллигенцией всегда чувствовалось «...особенное значение Финляндии для Петербурга, сюда ездили додумывать то, что нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив на самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшинах ледяная», вспоминал Осип Манделъштам.

Первозданный облик почти необитаемых еще в начале 20-го века финских берегов сохранился до наших дней. Углубившись в темный дремучий ельник, невозможно поверить, что совсем неподалеку есть дачи, рестораны, современная дорога вдоль залива, шумный пляж с отдыхающими. Кажется, человеческая нога не ступала по мягким зеленым мхам этих чащоб с поваленными стволами огромных деревьев. Среди сосен и елей возвышаются гигантские муравейники - аккуратные конусообразные горы почти в человеческий рост – одна из главных достопримечательностей и редкостей памятника природы.

*Шум и полдень безмолвен, и полночь глуха,
Густо спутаны промные сучья.
Желтоглазые совы живут по верхам,
А внизу - муравьиные кучи.*

В.А. Солоухин

*Лес, как бы кадилльным дымом
Весь пропахнувший смолой,
Дышит гнилью вековой
И весною молодой.*

*А смолу, как слезы, поит
Сосен старая кора,
Вся в царапинах и ранах
От ножа и попора.*

*Смолянистым и целебным
Ароматом этих ран
Я люблю дышать всей грудью
В теплый утренний туман.*

*Ведь и я был также ранен -
Ранен сердцем и душой,
И дышу такой же гнилью
И такою же весной...*

*Я.П. Полонский
1888, станция Райвола Финляндской
железной дороги*

До революции Келломяки входили в состав княжества Финляндского, о русском присутствии здесь свидетельствовала православная деревянная церковь Святого Духа, возведенная в 1908 году (архитектор Н. Н. Никонов). Своей необычайной стройностью, лёгкостью архитектуры она напоминала собор Василия Блаженного в Москве.

Смешение культур многих народов - русских, финнов, карелов, саамов, шведов стало плодороднейшей почвой для развития такого архитектурного стиля, как «Северный модерн». Для этого стиля характерны мотивы северного зодчества, отделочный кирпич, керамика, разноцветные витражи и башенки с возносящимися шпилями. Жилые дома украшали резные ставни, нередко и фасады были целиком резными.

На север и юг от железной дороги шли перпендикулярно две прямые улицы - Кауппакату (Магазинная) и Мерикату (Морская). Их пересекали улицы, идущие параллельно железной дороге.

Вдоль высокого берегового обрыва, с которого открывался великолепный вид на Финский залив, песчаные пляжи с дюнами, убегающие вдаль лесистые мысы и бухты, стояли самые большие и красивые дачи - их владельцы имели возможность любоваться видом со своих башен и бельведеров. Именно здесь стоял знаменитый «Дворец-Арфа» (Harppulinna), сгоревший во время последней войны.

Хозяином особняка был известный в Санкт-Петербурге архитектор Г.В. Барановский, построивший знаменитый Елисеевский магазин на Невском проспекте. Обшивка дворца была выполнена из дугообразно обтёсанных стволов, соединённых между собой болтами. И казалось, что на небольшую башенку, возвышающуюся над вторым этажом, натянуты струны, и как только подует ветер, раздастся сказочная мелодия.

Мне принесли букет цветов. О, сколько тонкой, гармоничной красоты в этих дивных маленьких творениях Божьих! И вместе с тем, как они прелестны своей малостью, полной крепости, простотой. Плотнейшее кружево нежных белых соцветий, голубенькие и розовые, фиолетовые и синие крошечки глядят на нас истыми глазками своих лепестков и венчиков, изливают на нас свой чудный аромат. Ну, разве не очевидно, что это немая проповедь душевной истинности? Надо иметь очень грубое сердце, чтобы не слышать этого голоса Божьего, так ясно звучащего в красоте материальных форм природы. Естественно, что женщины особенно любят цветы, и это делает честь их сердцам.

Еп. Лука (Войно-Ясенецкий)

Над мрачным ельником проснулася Заря,
Но яркости ее не радовались птицы;
Однообразный свист лишь слышен снежня,
Да раздражает писк насмешливой синицы.
Беседка старая над пропастью видна.
У ног моих отвесною стеной
Мне сосен кажутся недвижные вершины,
И солнце вырвалось из тучи, и луна,
Блеснув как молния, в долину долетели.
Отсюда вижу я, как быют в пруде клюны
А там, за соснами, как купол голубой,
Стоит бесстрастное, безжалостное море.
Как чайка, парус там белеет в высоте.

А.А. Фет

*Шумит, звенит ругей лесной,
Ляясь блистающим стеклом
Вокруг ветвей сосны сухой,
Давно, как гать, лежащей в нем.
Вкруг темен лес и воздух сыр.
Иду я, страх едва тая...
Нет! Здесь свой мир, живущий мир,
И жизнь его нарушил я...*

А.Н. Майков

До наших дней сохранился великолепный деревянный особняк на Морской улице, принадлежавший г-же Юхневич. Этот дом весь украшен резными узорами, словно русский терем. В особняке Юхневич некоторое время жила известная балерина Матильда Ксешинская. Напротив особняка Юхневич располагается обширный участок, известный под названием «вилла Рено», семья которых владела этим имением до Зимней войны 1939-1940 гг. Владельцы, используя рельеф и естественную растительность территории, устроили на верхней и нижней террасах целый парк с искусственными водоемами и фонтанами, тянущийся по склону далеко вниз к берегу. «На склоне было множество источников, заполнявших три больших овала, три пруда в окружении ирисов. Внизу находился круглый пруд, величиной почти с небольшое озеро в окружении серебристой ивы, тополей, лип и кленов. Посередине <...> был маленький остров, весь заросший сиренью и жасмином, они цвели попеременно. На берегу был причал, к нему была <...> привязана маленькая гребная лодка.

Из каменной беседки, которая располагалась на самой высокой точке горы, на углу улицы Морской, был виден залив, вечерний ореол огней Петербурга, купол Морского собора Кронштадта, паруса кораблей... Вдали слева виднелся синей полосой мыс Ревоннена, он же Лисий Нос; справа синел длинный мыс Инониemi, начинавшийся от Ваммельсуу, от Черной Речки; побережье Ингрии виднелось узкой полосой в направлении Юхинмяки, между маяком Толля и мысом Инониemi сияло тысячью и тьмой солнечных бликов свободное водное пространство» - так описывает свои впечатления от посещения виллы Рено в 20-х годах финский писатель Оскар Парланд.

Сейчас с большим трудом, пробравшись сквозь густые заросли, можно найти сильно обмелевший пруд с островом. Со стороны Морской улицы о вилле напоминают хорошо сохранившиеся въездные ворота с чугунной решеткой. После февральской революции 1917 года финляндский сейм объявил Финляндию независимым государством. По Тартусскому (Юрьевскому) мирному договору 1920 года советско-финляндская граница стала соответствовать прежней границе Великого княжества Финляндского, проходившей по реке Сестре. Келломяки оказались в составе Финляндии всего в 10 километрах от России.

*И русский бесприютный храм являлся
В бурную, незнакомую страну.*

В этих строках Блока емко охарактеризована историческая судьба территории к западу от советско-финляндской границы.

В России бушевала гражданская война, старая эпоха была сметена, словно пожухлые листья ветром, а здесь время словно остановилось - ни Россия, ни Финляндия, странный заповедник исчезнувшей жизни. Среди людей, обретших в этом заповеднике «ушедшей России» краткое отдохновение от реальностей военного коммунизма, был академик Иван Петрович Павлов, первый русский нобелевский лауреат. В 1922 году с разрешения большевистского правительства семья академика смогла поселиться в пансионате на вилле Рено.

«Вы поражаете мое воображение. Вы и окружающие вас ученые продолжаете работать в волнах хаоса, затопляющего Россию; вы напоминаете мне библейских праведников, благодаря которым Бог не разрушает погрязшие во грехе города», - обращался к Павлову Герберт Уэллс, будучи под сильным впечатлением от поездки в Россию в те грозные годы.

В Келломяках в 1925 году первый русский нобелевский лауреат получил поздравление с 75-летием от другого лауреата, но уже Сталинской премии – епископа Луки Войно-Ясенецкого, бывшего профессора патологической анатомии и оперативной хирургии. Правда, признание заслуг перед Родиной и народом, вместе с лауреатством и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг», придут к Войно-Ясенецкому еще не скоро – после трех ссылок и многих месяцев тюрьмы. А пока владыка из Туруханской ссылки посылал Павлову свое благословение «за благочестие Ваше, о котором до меня дошел слух от знающих Вас». К чести академика, он, как всегда, не убоился своим ответом поддержать ссыльного епископа.

*Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полей и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоя и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных тул и пламенных юдиль.
Этот ветер был нам верным другом
На распутиях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу выгомам
С юга вдаль - на Северовосток.
Войте, войте, снежные стихии,
Замечая древние гроба;
В этом ветре вся судьба России -
Страшная, безумная судьба.*

М.А. Волошин

Академик Д.С. Лихачёв, проведший свои детские годы на берегу Финского залива, оставил нам трогательные воспоминания о том беззаботном времени: «...Самые счастливые воспоминания детства связаны у меня с пляжем <...>. По вечерам мы гуляли <...> по самому берегу залива, по сырому укатанному волнами песку <...>. Если погода безветренная, особенно утром - в предвестии жары, то, прислушавшись, на берегу можно было слышать как бы басовитые гудки: у-у-у, у-у-у, у-у-у! Это слышен на пляже звон большого колокола Исаакиевского собора. Море становилось торжественным и значительным, когда через воду долетал еле слышный звук тяжкого колокола Исаакия. С тех пор я знаю, что такое «пуститьсь во все тяжкие». И я запомнил двойное значение этого выражения: мы бежали к морю «во все тяжкие» и слышали «тяжкий» колокол Исаакия. <...>

А днем в жару пляж гудел, как улей, роем детских голосов, радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда приглушенных водой, расплывающихся, нерезких. Эта музыка пляжа слышна и сейчас, и до сих пор я ее очень люблю».

Территория Келломяк стала советской после «Зимней войны» 1939-1940 гг. Советские власти сразу обратили внимание на уютный посёлок на берегу залива. Уцелевшие дачи были отремонтированы и переданы в пользование ленинградским деятелям науки и культуры. Несколько месяцев прожил в Келломяках Президент Академии Наук СССР, учёный-ботаник В. Л. Комаров, скончавшийся 5 декабря 1945. Именно в его честь посёлок был позднее, в 1948 году, переименован в Комарово.

К концу 40-х годов Комарово стало дачным посёлком ленинградской творческой интеллигенции. В разное время здесь жили или бывали Леонид Андреев, Максим Горький, Юрий Герман, Дмитрий Шостакович, Вера Панова, Иван Ефремов, Иосиф Бродский, генерал Говоров, тот самый, что руководил прорывом блокады Ленинграда в 1944 году у Дудергофских высот, и многие другие.

Здесь же находилась дача Анны Ахматовой, выделенная Литфондом - дощатый домик, который она скорее добродушно, чем осуждающе, называла будкой, как хатку под Одессой, где родилась.

Эта земля в конце жизни дала ей, наконец, приют под огромными комаровскими соснами, под ними же и упокоила ее прах.

*Земля, хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несаленая вода.*

Пред взорами моими - величественное море. Оно на севере по большей части пасмурно и бурно; бывает же по временам и прекрасно. Обширное море! Привлекаешь ты к себе и взоры, и думы. Безотчетливо ляжешь подолгу на море. Нет разнообразия в этом зрелище, но взор и мысли не могут оторваться от него <...> Какая чувствуется полнота в душе, когда глаза наслаждаются и насыщаются созерцанием моря! <...>. Широко расстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Закрыто оно Кронштадтом, за которым беспредельность моря сливается с беспредельностью неба... Не будем доверять пишине житейского моря; пишина эта обманлива, море изменливо. Не позволим себе предаваться беспечности: корабль неожиданно может попасть на мель или удариться о неприметный подводный камень, покрытый нежной спруйкою, - удариться и получить жестокое повреждение. Иногда набегает нипожное, по-видимому, облачко: внезапно начинает извергать из себя вихри, громы, молнии, и закипело припворно-тихое море опасною бурейю.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

заказник

Ладышевский

*Слушай шелест сосен
высоких,
Слушай шелест рек глубоких -
Это Suomi песнь!*

*Эмиль Квантен
(перевод В. Головина)*

«В этой стране так мало смеющейся прелести и беззаботной роскоши юга, что радость - скользнувший луч солнца, богатство - сказка, а чудная краса природы - мимолетный сон. Ее красота часто бледна, как северное сияние, и печально задумчива, как темный ее бор», писал в начале прошлого века автор известного путеводителя по Финляндии К. Б. Грэнхаген.

Климат здешних мест суров, природа скудна, население малочисленно и рассредоточено среди лесов и болот, поэтому история донесла до нас очень скудные сведения о прошлом этой глухой провинции в юго-западной части Карельского перешейка. На протяжении многих столетий Швеция и Россия соперничали за эти территории, границы и состав населения претерпевали многократные изменения, что нашло отражение в сложной местной топонимике.

Ваммельсуу, Мустамяки, Ваммельярви, Райвола... звучали еще полвека назад сказочные для русского слуха многочисленные финские названия. После Великой Отечественной войны на картах появились Серово, Ушково, Гладышево, Роцино. В части этих названий увековечена память погибших здесь русских солдат.

В 1721 году после окончания Северной войны и заключения Ништадтского мира эти земли почти на два столетия отошли к России. После разделения сфер влияния между Наполеоном и Александром I в Тильзите (1807г.) эти территории были воссоединены с Финляндией, ставшей с 1811 года «великим княжеством Финляндским» в составе России.

Салтыков-Щедрин, проводивший лето 1886 года в Финляндии, недалеко от Гладышевского озера, оставил заметки о тогдашнем местном населении: «Финны живут разрозненно и селятся починками в два-три дома. Народ трудолюбив и любит страстно свою землю. Работает неутомимо, хотя частые непогоды мешают земледельческому труду. Финн замуровался в своей деревне, зарылся в снегах на две трети года и не двигается ни направо, ни налево. Есть, впрочем, в нашем соседстве два-три хозяина, которые скупают бруснику и ездят в сентябре в Петербург продавать ее». О том, насколько глухими был этот лесной край, свидетельствует тот факт, что сам генерал-губернатор, обеспокоенный частыми нападениями хищников на людей и заметным сокращением поголовья скота, отменил в 1840-х годах повсеместный запрет на их отстрел и даже организовал силами воинских подразделений травлю волков в волости Кивеннапа.

Из больших финских окон дач с верандами и балконами, располагавшихся на невысоких холмах в окрестностях нынешнего Гладышевского озера, можно было полюбоваться как «хмурые хвойные леса спускаются в долину к синему озеру, обходят его и простираются до самого горизонта, густые и туманные». Южные склоны холмов, защищенные от заморозков, по осени пестрели широколиственными лесами из дуба, клена и ясеня (отсюда финское название деревни Кирьявала (Kirjavala) - пестрое).

*Край без истории... Все лес да лес, болота,
Трясины, заводи в ольхе и тростниках,
В столетних яворах... На дальних облаках —
Заката летнего краса и позолота,
Вокруг тепло и блеск. А на низах уж тень,
Холодный сивый дым... Стою, рублю камень,
Курю, стираю пот... Жар спынет — остро, сыро
И пряно пахнет глушь. Невидимого клира
Шонгайши поют и ноют голоса.*

*Столбом полетят мушкетеры и слабо
Свистят в куче уржи... Вот ласнет полоса
Чуть греющих лулей, вот завохтала жаба
В дымящейся воде... Колтунный край древят,
Русь киевских князей, медведей, лосей, туров,
Полесье борщиков и черных смолокуров —
И теплых сумерек краснеющий шафран.*

И.А. Бунин

До 70-х годов XIX века жизнь тихих поселков Карельского перешейка проходила однообразно и незаметно. Но вот 11 сентября 1870 года гудок паровоза нарушил этот покой: строительство железной дороги Риихимяки - Санкт-Петербург, протянувшейся через весь перешеек, превратило девственный край в дачное место для обеспеченных петербуржцев. Они получили прекрасную возможность в считанные часы добираться из душного города на пропитанные свежим морским воздухом песчаные пляжи Финского залива и прекрасные сухие сосновые боры по берегам многочисленных озер с чистой прозрачной водой. Недалеко от Черной речки поселился русский флотоводец, океанограф и полярный исследователь адмирал С. О. Макаров. Его дача, искусно отделанная мореным дубом, напоминала корабельную рубку. На темном фоне зелени дом казался сооружением легким, похожим на морской фрегат, готовый к отплытию.

*Ветер осенний в лесах подымается,
Шумно по ташам идет,
Мертвые листья срывает и весело
В бешеной пляске несет.*

*Только замрет, припадет и послушает,-
Снова взмахнет, а за ним
Лес загудит, зашуршит,- и сыплется
Листья дождем золотым.*

*В темную осень земля укрывается
Желтой листвою, а под ней
Дремлет побегов и трав прозябанье,
Сок животворных корней.*

*Жизнь зарождается в мраке
таинственном.
Радость и гибель ея
Служат непленному и неизменному -
Вечной красе Бытия!*

И.А. Бунин

В трех верстах от устья р. Черной на берегу Финского залива располагалась усадьба «Тихий Берег» академика В.М. Бехтерева - выдающегося русского учёного, врача-невропатолога и психиатра. Стараниями потомков она превращена в мемориальный музей учёного. Название усадьбе дано неспроста, действительно, гряда подводных камней гасит волнение, и даже в сильный шторм волны лишь тихо плещутся у песчаного берега.

Река Черная, вытекая из Гладышевского озера, вначале спокойно струится среди невысоких лесистых берегов. Но уже в нескольких километрах от истока ее уклон сильно увеличивается. Здесь находятся остатки финской мельницы, запечатленной на известной картине Валентина Серова (1902 г.), маленькая скромная дача которого стояла на самом берегу Финского залива в Ино (Приветненское). Частыми гостями Серова были художники А. Н. Бенуа и В. В. Матэ, проживавшие неподалеку. Целыми днями бродил Серов с этюдником и альбомом, нередко бывал на Черной речке. Из финских пейзажей Серова выделяются «Лошади на взморье», «Купание лошади» и, особенно, портрет детей. Морской берег, на фоне которого изображены старшие сыновья художника, столь характерен, что сразу узнается, несмотря на фрагментарность и скупость изобразительных средств. Летом 1906 г. Серов писал портрет другого своего соседа по Черной речке – писателя Леонида Андреева. Художник и писатель настолько сблизились в процессе работы, что Андреев назвал своего младшего сына Валентином в честь Серова.

*Какая музыка под фризю твоей!
Крутом стеклянный звон ллющихся клюей;
Шам — листик задрожал под каплею алмазной;
Шам — птички полевой свисток однообразный;
Стрекозы, как часы, стучат между кустов;
По реке, в камышах, от топких островов,
С разлилов хоры жаб несутся, как глухие,
Ориана дальнего аккорды басовые,
И царствует над всей гармонией нобной,
По ветру то звоней, то в тихом заммиранье
Далекой мельницы глухое клокотанье...*

А.Н. Майков

Черная речка самым тесным образом связана с именем Леонида Андреева. Здесь прошел двенадцатилетний «чернореченский» период его творчества, были созданы наиболее глубокие произведения. Черная речка Андреева чем-то сродни толстовской Ясной Поляне или пушкинскому Михайловскому и в воспоминаниях детей Андреева она осталась их «малой Родиной». Андреев поселился на Черной речке после смерти горячо любимой жены, как бы разделившей его жизнь надвое. Место для строительства нового дома было выбрано на высоком берегу Черной речки, в небольшой финской деревне. Дом был задуман в необычном стиле - похожим на норвежский замок, с высокой обзорной башней, осмотр окрестностей через подзорную трубу с которой стал впоследствии обязательным ритуалом для всех гостей писателя: «с горы бесконечно дымятся дали и <...> видно море - огромный белый лист в узенькой рамке далеких берегов». Вилла получила шутовое название «Аванс», так как средства для строительства были получены у издателей в виде аванса.

Андреев был не только литератором, но и талантливым фотографом, одним из зачинателей цветной фотографии. Снимки на стеклянных пластинах запечатлели окрестности Черной речки и морское побережье и были изданы недавно большим альбомом в Англии при поддержке семьи Андреевых.

«Природа Финляндии обладает магическим свойством», - записывал он в своем дневнике, - «вначале она не действует на вас, но чем дольше вы живете среди невзрачных финских болот, тем все глубже западает в вашу душу любовь к этому заброшенному краю. Никакие красоты Кавказа, Крыма не могут сравниться со скромной <...> финской природой. Закаты и восходы солнца художественно строги; чудесные линии ландшафта; убегающие вдаль перелески; леса, заросшие мхом; граниты, придающие сумрачную красоту, столь отличительную от скучных и уютных эффектов южных гор и морских побережий».

*Опять мне блеснула, окована сном,
Хрустальная баша во мраке лесном.
И озеро в тихом вечернем огне
Лежит в глубине, неподвижно сияя,
Деревья, как свет, стоят в вышине,
Смыкаясь рядами от края до края.*

Н. А. Заболоцкий

Недалеко от места впадения реки Черной в Финский залив, на некогда живописном холме, ныне обезображенном стальными конструкциями горнолыжного трамплина, можно найти остатки храма, могильных плит и церковной ограды. Это «Мариоки» – бывшее имение, названное хозяином по имени любимой жены на финский манер. На одной из плит можно прочесть: «Марія Всеволодовна Картавцова, рожденная Крестовская, родилась 30-го ноября 1852 года, скончалась 24 июня 1910-го года». «Великолепный памятник возвышался в стороне от церкви, на склоне горы. Это была огромная глыба гранита, а на ней, в натуральную величину, сидела в кресле красивая бронзовая женщина и задумчиво смотрела на море. У ее ног валялся плюшевый мишка, тоже из бронзы», - вспоминала дочь Леонида Андреева Вера... Небольшая мариокская церковь в честь иконы «Всех скорбящих Радость», в псковском стиле XII-XIII веков, стояло высоко и ее золотая глава была видна даже из Кронштадта. Звонница с пятью колоколами служила входом на церковный двор. Церковь была действующей до 1939 года и разрушена во время Зимней войны.

*В глуши лесной, в глуши Зеленой,
Всегда тенистой и сырой,
В крутом обвале под горой
Бьет из камней родник студеной:*

*Кипит, играет и спешит,
Крутятся хрустальными клубами,
И под ветвистыми дубами
Стеклом расплавленным бежит.*

*А небеса и лес нагорный
Глядят, \ задумавшись в тиши,
Как в светлой влаге юлыши
Дрожат мозаикой узорной.*

И.А. Бунин

Любовь к морю - особая тема в жизни Леонида Андреева. «В те дни, когда мы уезжали в море, молчание отца было менее утомительным и хмурым. Извилистой Черною речкой, <...> мы, подгоняемые течением, подъезжали к быстрине - гранитным порогам, высовывавшим черные спины камней из пенистой воды. Здесь мотор выключался, и стремительным потоком лодку пронесило мимо камней. <...>. Река делала еще два или три поворота и выносила нашу лодку на взморье», - писал его сын Савва.

Вероятно, об одной из таких морских прогулок вспоминал сам писатель: «Был свежий ветер с юго-запада, море дышало свежестью и силой <...>. И запах водорослей, густой и сильный, закрывай глаза и думай, что ты у самого океана. Здесь берег красиво изгибается, заканчиваясь на западе мысами Ино и его морскими знаками... Три мыса уходят последовательными планами, начиная зеленым и кончая мглистой синевой, и песчаный берег под лучом солнца горит, как золотой ободок».

*И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.*

И.А. Бунин

Правда, мятущуюся душу писателя посещали и другие мысли: «Как могу я забыть это мелкое, безнадежно унылое море, лежавшее так плоско, как будто земля в этом месте перестала быть шаром? Думая о море, я всегда думал и о корабле, - но здесь не показывались корабли, их путь проходил где-то дальше, за вечно смутной и туманной чертой горизонта, - и серой бесцветной пустыней лежала низкая вода, и мелко рябили волны, толкаясь друг о друга, бессильные достичь берега и вечного покоя». И сам он никак не мог достичь покоя, к которому так стремился...

Леонид Андреев был похоронен на небольшом кладбище около церкви на берегу Черной речки. Дом разрушился в 20-е годы, церковь — во время последней войны, близких писателя разбросало по всему свету. В 1936 году сын Андреева Савва был в Финляндии и посетил родные места. Свою поездку он описал в письме к сестре: «Было темно и тихо. Проваливаясь в снегу, еле разбирая, где тропинка, я шел в тишине среди леса. И вот передо мной белая стена церкви и ее золотой купол. <...> Черный крест, белый холм и занесенный снегом шиповник... То, что было перед глазами - было во много, неисчислимо много раз лучше всего возможного. И мне стало радостно и светло. Так хорошо было. Хорошо, что Россия недалеко, что у церкви, хорошо, что в такой глуши, и на горе, и над морем. Вся эта гора - с церковью, с соснами - стоит как алтарь перед морем и небом. И больше нет ничего, и не надо».

ДУМА НА БЕРЕГУ МОРЯ

Утихнут ветры, уляжется море. Где халмилились тевные волны, там расстелится неподвижная поверхность утормленных бурей вод. После усиленной тревоги они успокоятся в мертвой тишине; в прозрачном зеркале их отразится веерное солнце, когда оно встанет над Кронштадтом, и пустит лучи свои вдоль Финского залива, навстречу струям Невы, к Петербургу. Живописное зрелище, знакомое жителям Сергиевой пустыни! Это небо, этот берег, эти здания сколько видели увенчанных пеною гордых, свирепых волн? И все они прошли, все улеглись в тишине гроба и могилы. И идущие мимо идут, успокоятся также! Что так зыбка, так непродолжительно, как венцы из пены влажной!

1843 года, Сергиева Пустыня. Свт. Иннакий (Брянниннов)

УДК
ББК
А 22

Специальная фотосъемка агентства «ГеоФото» (А.В. Ладыгин, В.А. Штрик),
www.geophoto.ru

В книге использованы фотографии Ю.Б. Артюхина (134, 136, 146, 212) и
В.И. Соколова (89 (н), 152)

Авторы и составители текста: Т. В. Ковалева, А.В. Ладыгин, О.Н. Ладыгина
Под общей редакцией канд. географ. наук Д.А.Голубева

“Заповедная природа Санкт-Петербурга”. Альбом. - С.-Петербург: Изд-во “Иван Федоров”, 2004. - 208 с.

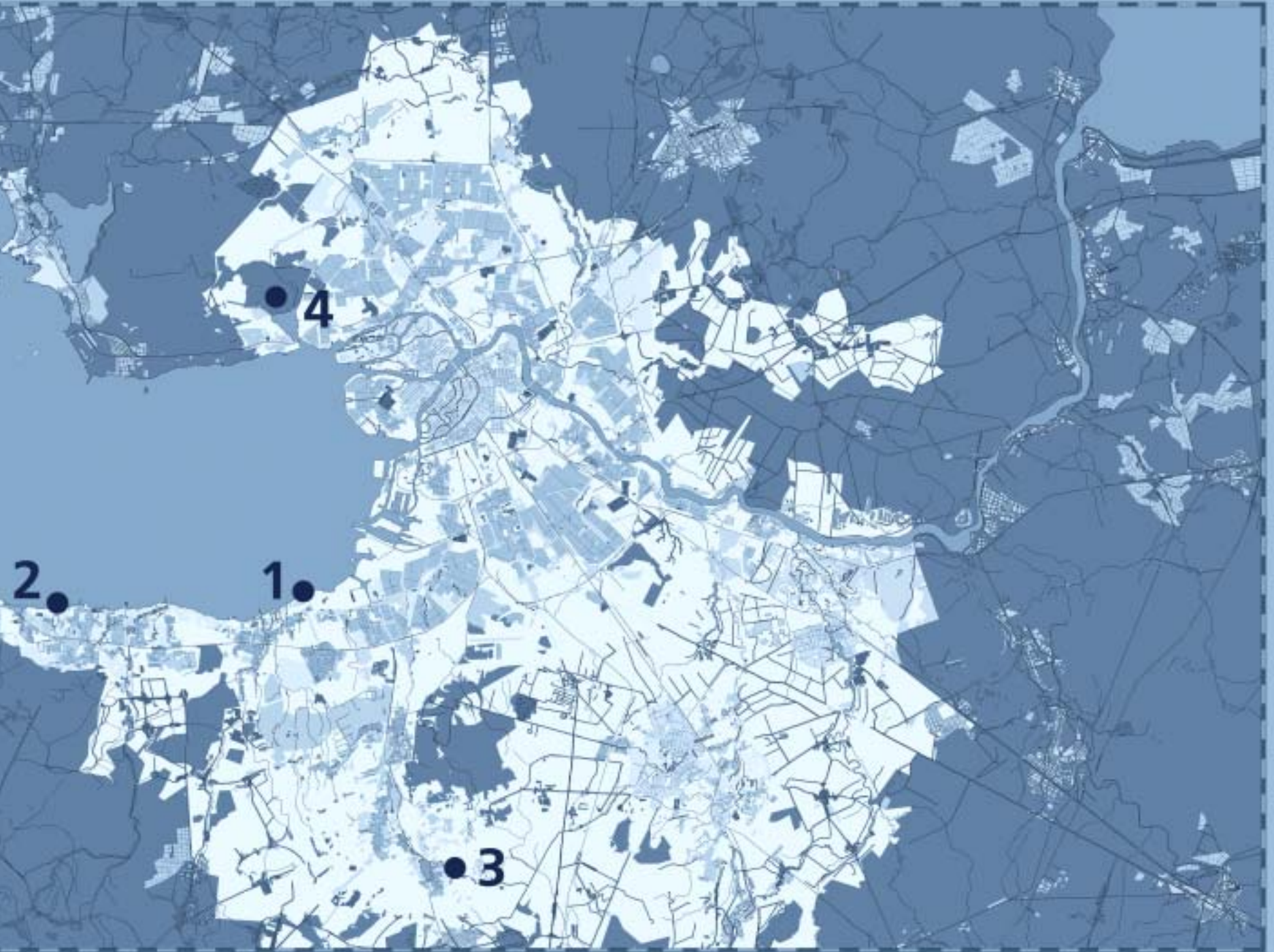
ISBN

Особо охраняемые природные территории Санкт-Петербурга

- 1 - Памятник природы "Стрельнинский берег"
- 2 - Памятник природы "Парк "Сергиевка""
- 3 - Памятник природы "Дудергофские высоты"
- 4 - Заказник "Юнтоловский"
- 5 - Памятник природы "Комаровский берег"
- 6 - Заказник "Гладышевский"

4

1

3

2

Санкт-Петербург в нашем представлении – это, прежде всего, архитектурные ансамбли с эффектным построением перспектив, многоплановые панорамы, загородные цворцы с огромными парками «в регулярном стиле», в еличественные соборы. Но, наряду с грандиозными творениями рук человеческих, неприметно сосуществует другой мир – мир природы, неиссякаемый источник бесконечной отрады и вдохновения для человека.

Русскому человеку свойственно было одушевлять природу, наделять способностью радоваться и печалиться, видеть в ней творческую созидающую силу. Обладая такой ценностью, природа не только питает нас своими плодами, но и жаждет нашего ответного участия в своей судьбе, покровительства и защиты.

Однако этим наши взаимоотношения с природой не исчерпываются. Если бы человек не находил у природы мудрых поучений и откликов на свои переживания, отчего его стремление к ней было бы столь непреодолимо и столь возвышенно?

«...Натура есть некоторое Евангелие, благовествующее немолчно Творческую силу, Премудрость и Величество», - пишет Михаил Васильевич Ломоносов.

«Искусство и ландшафты не нужны, где нет чувства... Пейзаж не имеет цели, если он только красив. В нем должна быть история души. Он должен быть звуком, отвечающим сердечным чувствам ...», считает автор знаменитых «Грачей» Алексей Саврасов, непревзойденно тонкий пейзажист, получивший звание академика художеств за работы, изображающие природу Сергиевского парка.

Вот, оказывается, где сокрыта истинная красота – в сочетании искусства с природою, в истории души. Поэтому не случайно, что, помимо самой природы, исторические персонажи, ее соучастники и собеседники былых времен, присутствуют на страницах этого альбома. Без них картина была бы неполной, в ней не было бы гармонии.

Как капли росы на цветущем лугу у стен Сергиевой пустыни, вместившие в себе тысячи солнц, души этих людей отразили в себе красоту окружающего мира. Мы попытались вспомнить здесь тех из них, которые, очищая свое сердце, стремились быть истинными, незамутненными зеркалами.

Вглядимся пристальнее в вечернее гаснущее небо, волны ветра, бегущие по тростниковым плавням, серебряные нити дождя над лесом, гладь залива, мерцающую закатными лучами, всмотримся в таинство белой ночи, и книга природы, быть может, раскроет перед нами свои страницы.

